И 72/63

Михаилъ Сивачевъ.

На судъ читателя —

Записки литературнаго Макара.

Выпускъ 2.

ЦѢНА 40 КОП.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ф. Орлова, Варварская площадь, домъ 39/1.
1910.

См. выпускъ 1-й.

Англiйскiй публицистъ Е. Н. Диллонъ въ «Иностранной критикѣ о Горькомъ» говоритъ:

«Россiя единственная страна въ мiрѣ, гдѣ мыслима такая необыкновенная карьера, какова карьера Горькаго; нигдѣ больше общественныя перегородки не поддаются такъ легко натиску необработаннаго таланта-парiя, нигдѣ двери не растворяются такъ широко передъ нимъ, когда онъ стучится въ нихъ во имя науки или искусства. Здѣсь каждая искра таланта, загорѣвшаяся въ дикихъ степяхъ или грязныхъ трущобахъ, привѣтствуется, какъ чистое золото, такъ какъ гумманное сочувствiе ко всѣмъ униженнымъ—основная черта русской интеллигенцiи и русскаго народа и каждый готовъ даже на жертвы, лишь бы облегчить имъ путь».

Такъ-ли это?

Дабы читатель могъ судить—какова на самомъ дѣлѣ русская дѣйствительность,—я разскажу нѣсколько сказокъ изъ русской дѣйствительности, извиняясь за ихъ специфичность: всѣ онѣ съ хорошимъ началомъ и сквернымъ концомъ!

Прiѣхалъ я въ Петербургъ съ наличностью—безъ гроша въ карманѣ. Кромѣ сестры въ этомъ городѣ—никого. Жила она въ убогой квартирѣ—конура въ одну комнатку,—съ мужемъ-алкого-

ликомъ, который не только не приносилъ ни копѣйки со своего заработка, но пропивалъ и то, что она зарабатывала домовой портнихой.

Сестра, оказалось, никогда не писала мнѣ правды о своей жизни—на мои вопросы объ этомъ, всегда отдѣлывалась успокаивающей парой словъ: «Ничего живу».

Скверно подѣйствовало на меня такое «ничего».

Гнусный, вѣчно пьяный паразитъ-мужъ и общій, неумолимо-холодный укладъ жизни, придавили сестру до тѣхъ невидимыхъ въ жизни маленькихъ мученицъ, которыя дѣйствительно лучшаго отъ жизни не ожидаютъ и безъ ропота, ибо видятъ безплодность его, несутъ свои непосильно-огромные кресты.

Несутъ со сжатыми зубами, несутъ съ однимъ мучительнымъ желаніемъ: замуровать на днѣ души своей всѣ стоны, вопли, всю муку своего дикаго существованія.

Послѣ первыхъ привѣтствій, я попытался осторожно покопаться въ душѣ сестры:

— Давненько не видались. Разскажи, какъ жилось и живется?

И получилъ отпоръ. Она нахмурилась, лицо пронизалось внутреннимъ свѣтомъ гордой безнадежности; помолчала и равнодушно бросила:

— Да, не видались давненько. А говорить,—что говорить? Легче отъ этого не будетъ.

На другой день я отправился въ адресный столъ за адресомъ Горькаго въ сильно приподнятомъ настроеніи: волновался уже не за себя, а за участь сестры.

Милая, наивная молодость! Ты не умѣешь, какъ осторожная старость учитывать обстоятельства момента, заглядывать въ будущее, ты смѣшна, но ты и велика тѣмъ, что сердце твое не окаменѣло въ самолюбіи: мое положеніе, какъ положеніе человѣка непригоднаго къ труду, было хуже положенія сестры, а я ѣхалъ и мечталъ, какъ избавлю сестру отъ мужа, дамъ ей возможность отдохнуть.

И свалился съ неба на землю: опять газеты о пріѣздѣ Горькаго наврали.

Не нюхавшій, что за холопство процвѣтаетъ въ литературѣ, не знающій о стаѣ борзописцевъ, сшибающихъ на знаменитостяхъ пятаки, пока знаменитость идетъ въ гору, а когда подъ гору,—тоже пятаки, но уже на томъ, какъ бы свалить корифея съ пьедестала—я былъ придавленъ и недоумѣвалъ:

— Къ чему эти ложныя свѣденія? Кому какая польза отъ того, что въ газетахъ прокричатъ: «Горькій поселился въ Петербургѣ»,—а на самомъ дѣлѣ онъ и носа сюда не казалъ?

Когда я вернулся домой, сестра не спрашивая, по моему лицу сразу узнала о неудачѣ и, безпомощно развела руками:

— Какъ же будешь? На меня не надѣйся. Сама не голодаю, когда работаю. А работа бываетъ рѣдко. Сидишь безъ дѣла— сидишь голодная и трясешься: а вдругъ за слѣдующій мѣсяцъ нечѣмъ будетъ платить за квартиру?

Я вспыхнулъ:

— И тебѣ не стыдно? Зачѣмъ же ты въ письмахъ приглашала, чтобы я пріѣзжалъ къ тебѣ?

— Я думала, что ты можешь работать.

— Ахъ, вонъ что!

— Что жъ... скрывать не буду. Если бы ты могъ работать—твоего куска не съѣла бы, а легче мнѣ было бы. При тебѣ мой дуракъ не такъ бы расходился.

И сестра поникла головой. Я видѣлъ, что ей тяжело, жаль меня, но не настолько, чтобы вспыхнувшее отчужденіе прошло совсѣмъ: не легокъ былъ свой крестъ и прибавлять къ этому кресту обузу въ лицѣ меня, было женщинѣ не по силамъ.

Улегся и мой негодующій порывъ, но острый холодокъ отчужденія не исчезъ и во мнѣ, причиняя щемящую боль.

Да, вотъ она жизнь! Вмѣстѣ росли, вмѣстѣ воздавали восторженную дань утреннему солнцу, изумрудной зелени сада, вмѣстѣ впитывали въ себя всѣ первыя впечатлѣнія бытія—и все-таки не сроднились настолько, чтобы жизнь впослѣдствіи оказалась не въ силахъ разъединить!

Много лѣтъ не видаться, много лѣтъ таить въ себѣ радость встрѣчи — и встрѣтясь, почувствовать себя другъ-другу въ тягость.

Дикая, чудовищная жизнь, гдѣ юность, свѣтлая святыня человѣка, можетъ быть омрачена скорбью.

Сестра помолчала и предложила:

— Ну, не сердись. Давай обѣдать.

Я отмахнулся рукой и легъ на постель.

Лежалъ день и мучился: есть гдѣ-то Горькій, но не для меня, не мнѣ найдти его; онъ для человѣка моего положенія—миражъ!

Безнадежность давила до полной апатіи и примиреніе съ концомъ своего бытія казалось единственнымъ выходомъ.

Лежалъ на другой день—но уже подъ властью другихъ чувствъ: при мысли, что жизнь меня раздавитъ только, можетъ быть, потому, что мнѣ трудно столкнуться съ нужнымъ человѣкомъ—поле зрѣнія моего слѣпилось бѣшенствомъ.

— Найду,—твердилъ я съ злымъ чувствомъ: — Найду — во что бы это ни стало! Дойду до униженія, ибо гдѣ возможны униженія во имя сохраненія своего я, тамъ не только униженія, но и преступленія должны падать на отвѣтственность общества.

Во мнѣ говорило не упрямство, не то слѣпое и безразсудное, въ чемъ русскій человѣкъ грѣшитъ иногда до фанатизма, а кровь потомка того крѣпостного раба, который и подъ розгами на конюшнѣ продолжалъ думать про свое завѣтное...

А на третій день, я уже надумался.

Схватился за священника *) Г. Петрова. На моей родинѣ это былъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ писателей: не было въ средѣ моихъ знакомыхъ дома, гдѣ бы я не встрѣчалъ «проповѣдей» Г. Петрова.

Коротко я написалъ ему:

> «Боюсь побезпокоить Васъ своимъ визитомъ не во время, а поэтому очень прошу сообщить мнѣ: въ какое время могу быть у Васъ. Имѣю къ Вамъ дѣло, съ которымъ связанъ вопросъ всего моего существованія».

Прошла недѣля—отвѣта не было. Набрался рѣшимости отправиться безъ приглашенія. Ѣхалъ въ сквернѣйшемъ настроеніи: не вѣрилось въ помощь. Ѣхалъ и думалъ—какое несчастье быть человѣкомъ впечатлительнымъ: *не забывалъ отвѣта съ дворникомъ, редакторовъ Нижегородскихъ газетъ, а больше всего—адвоката!*

Чудилось, что и здѣсь ждетъ лишнее униженіе и во всю дорогу порывало вернуться обратно.

Но Горькій и кровь потомка крѣпостного раба... Я переломилъ себя, когда добрался до особняка Петрова въ Новой деревнѣ. Особнякъ былъ изъ тѣхъ, передъ которыми бѣдняки испытываютъ смущеніе: я посмотрѣлъ на его фасадъ, на рѣзьбу дверей параднаго хода и, когда моя рука коснулась звонка—подумалъ, что я, можетъ быть, совершаю дерзость, которой мнѣ не простятъ.

Такъ и вышло. Высунулась горничная, быстрымъ взглядомъ окинула меня съ головы до ногъ и, бросила:

— Дома никого нѣтъ.

*) Бывшій.

И захлопнула дверь.

Я пошелъ съ чернаго хода. Кухарка, на минуту подняла голову отъ кастрюль на плитѣ, оглядѣла «посѣтителя» тоже съ ногъ до головы:

— Что надо?

— Батюшка дома?

— А на что вамъ его?

— Дѣло къ нему имѣю.

— Какое дѣло-то? Много тутъ ходятъ по дѣламъ-то. Занятъ онъ. Нельзя его отрывать.

Влетѣла горничная. Взглядъ на меня—и видъ: «ага, проучила наглеца! Знай свое мѣсто!»

Потомъ опять ложь:

— Вы опять? Я говорила же: дома никого нѣтъ.

Я кивнулъ головой на кухарку:

— Какъ нѣтъ? А мнѣ только что сейчасъ сказали, что дома.

Горничная неодобрительно посмотрѣла на кухарку и замялась:

— Сказали-то вамъ сказали... Сказать все можно... Только кто въ отвѣтѣ-то?

Сильно звякнула на плитѣ кастрюля, кухарка исчезла за облокомъ пара, а когда онъ разсѣялся, она уже переступала порогъ изъ кухни въ комнаты, съ благосклоннымъ взглядомъ на меня, съ нелестными эпитетами для горничной:

— Подождите: я доложу. Фря всякая, а туда-же: кто въ отвѣтѣ?! Много ты отвѣчаешь. Побольше-бы работала!

Быть-бы здѣсь и не такой перепалкѣ, если бы тактъ горничной не подсказалъ, что счеты надо отложить до болѣе удобнаго случая: съ высокомѣрной усмѣшкой она проскользнула мимо кухарки и, уже невидимая, еще разъ напомнила мнѣ и кухаркѣ, чтобы мы не забывались:

— Доклады не ваше дѣло. Ваше дѣло—плита. А на счетъ работы: побѣгайте-ка вы къ парадному ходу!

Кухарка вернулась къ плитѣ; горничная явилась черезъ минуту.

— Батюшка просилъ обождать.

Я съ трудомъ сдержалъ тяжкій вздохъ.

Минутъ черезъ пять Петровъ вышелъ—едва переступилъ порогъ кухни и спросилъ:

— Что угодно?

Тонъ былъ холодный; взглядъ тоже не изъ пріятныхъ: стояли

мы другъ отъ друга шаговъ на десять—съ такого разстоянія онъ меня измѣрялъ съ головы до ногъ.

Года на три-на четыре я постарѣлъ, износился въ тѣ четверть часа, которые пережилъ въ кухнѣ писателя.

Большими и серьезными глазами я хотѣлъ смотрѣть на міръ и вѣрилъ, что тѣ, которые зовутъ къ духовному свѣту, къ добру, къ любви, охотно окажутъ мнѣ нужную поддержку, но четверть часа въ кухнѣ писателя безповоротно убѣдили меня, что люди высокія стремленія цѣнятъ только въ томъ человѣкѣ, *который у нихъ ничего не проситъ!*

Мы захлебываемся въ восхищеніяхъ о талантливыхъ самородкахъ, мы изнываемъ въ соболѣзнованіяхъ о гибели этихъ самородковъ подъ гнетомъ нужды, но Боже упаси самородка, если онъ вообразитъ, что ему должны помочь: мы забудемъ свои прекрасныя слова и дѣломъ своимъ дадимъ ему почувствовать: «Осади назадъ! Туда, въ тьму невѣжества и когти нужды, туда, гдѣ ты задыхался!»

Въ четверть часа я пережилъ бездну самопрезрѣнія и испыталъ на себѣ ядовитое жало человѣко-ненавистничества—и не ушелъ, выдержалъ, ибо во мнѣ была надежда, что гдѣ то существуетъ Горькій, человѣкъ, который не будетъ измѣрять взглядомъ человѣка съ разстоянія десяти шаговъ; и не ушелъ, выдержалъ, ибо во мнѣ кровь потомка крѣпостного раба.

Медленно я на вопросъ Петрова началъ:

— Я къ вамъ по дѣлу. Или вѣрнѣе: съ просьбой...

— Съ какой?

— Не просмотрите-ли у меня два небольшихъ разсказа?

Онъ молчалъ. Я почувствовалъ, что этого мало, что, можетъ быть, сейчасъ услышу: «У меня для этого времени нѣтъ. А вообще—это дѣло редакцій»—и поспѣшилъ добавить:

— Меня направили къ вамъ.

— Кто?

— Ваши читатели.

Это была ложь, ложь рожденная моментально въ мучительности униженія, ложь претворенная въ тонкій вопросъ:

— А ну, г. писатель, покажите-ка, насколько у васъ развита отвѣтственность передъ читателемъ за то, чему вы его учите?

— Странно... Читатели?—съ недоумѣніемъ произнесъ Петровъ, потомъ холодно пожалъ плечами и пригласилъ слѣдовать за нимъ.

Черезъ двѣ минуты онъ усадилъ меня въ своемъ кабинетѣ около письменнаго стола, усѣлся самъ—и попросилъ:

— Разскажите о себѣ поподробнѣе.

Я началъ, но сейчасъ же запнулся.

— Ничего. Вы не стѣсняйтесь,—сказалъ онъ и подбодрилъ меня мягкимъ, ласковымъ взглядомъ.

Легки свои страданія, когда ихъ разсказываешь лицу, которое дастъ почувствовать въ себѣ человѣка. Свободно, непринужденно, съ улыбкой примиренія я разсказывалъ вкратцѣ о томъ, какъ жизнь искалѣчила до 26 лѣтъ, поставила на острую грань, гдѣ за жизнь безъ помощи людей не уцѣпишься.

Онъ слушалъ съ очень деликатнымъ пріемомъ: на меня не глядѣлъ, но слушалъ внимательно,—и не только то, что говорится, но изучается и интонація голоса.

Я кончилъ и заключилъ:

— Милостыни я не хочу; ею жить тяжело, да и жизни безъ цѣли не принимаю. Но если найдете у меня дарованіе и захотите поддержать—поддержите меня до конца.

Онъ спросилъ:

— Сильно вы больны?

Я молча показалъ ему обезображенную ревматизмомъ руку.

Онъ немного подумалъ:

— Хорошо. Оставьте свои разсказы. Я просмотрю и дамъ отвѣтъ.

Вынулъ я изъ кармана пальто двѣ тоненькихъ тетради,—тѣ, которыя были уже оплеваны редакторомъ «Нижегородскаго листка».

— Вы гдѣ живете?

Я сказалъ.

— Сюда, человѣку вашего здоровья, трудно ѣхать. Отвѣтъ я вамъ дамъ письменно.

Я поблагодарилъ и всталъ, чтобы идти.

Онъ взглянулъ на мои тетради и остановилъ:

— Подождите немного,—и вышелъ изъ кабинета. Вернулся минуты черезъ три со стаканомъ кофе и хлѣбомъ:—Вотъ, пейте пока кофе, а я, приблизительно, ваши вещи просмотрю сейчасъ.

Выбралъ разсказъ поменьше и углубился въ него.

Я оглядывалъ его кабинетъ. Ничего лишняго: большой письменный столъ, заваленный книгами и гранками, у стола два занятыхъ нами кресла, одна стѣна заставлена шкафами съ книгами, около камина—большой обтянутый черной кожей, диванъ.

Ничего лишняго—но масса свѣта, уютъ той богатой, солидной простоты, которая не коробитъ кричащей безвкусицей.

Онъ просмотрѣлъ первый разсказъ и бросилъ:

— Да, наблюдательность есть. Эту вещь могутъ напечатать въ газетахъ.

Я промолчалъ. Я былъ подавленъ обиліемъ книгъ: какая бездна знанія тутъ—а онъ все это прочиталъ, а что читалъ я?

Онъ принялся за другой разсказъ и, когда кончилъ его, заявилъ:

— Вотъ здѣсь настоящая искра есть. Этотъ я могу устроить въ «Вѣстникъ трезвости». Вы сколько за него хотѣли бы получить?

Я подумалъ, припомнилъ гдѣ-то прочитанное, что минимальный гонораръ за печатный листъ 75 рублей—мой разсказъ былъ около печатнаго листа, и страшно мнѣ было назвать эту скромную цифру:

— Рублей 50 дадутъ?

— Нѣтъ, 50 не дадутъ. Рублей 25. Журнальчикъ не большой. Подписная цѣна—рубль въ годъ; подписчиковъ всего 6000—дороже платить не въ силахъ.

И точно желая утѣшить меня въ томъ, что мнѣ нельзя получить 50—послѣ короткой паузы добавилъ:

— Все, конечно, въ свое время приходитъ. Въ «Русскомъ Словѣ» есть сотрудники, получающіе по 50 копѣекъ и даже по рублю за строчку—но это уже имена. Вообще, начинающему на первыхъ порахъ у насъ трудно.

Я былъ на седьмомъ небѣ. Что этотъ добрый человѣкъ говоритъ: «Трудно»?!

Я забылъ всѣ шипы, на которые налетѣлъ до Петрова—я въ эти минуты чувствовалъ одно: «Чего я знаю? Какой я писатель? Чѣмъ я заслужилъ»?

И радостно лепеталъ:

— Что вы, Григорій Спиридоновичъ. Да для меня и 25 рублей—ошеломляющая сумма. Эту вещь я писалъ четыре дня. Подумайте, что значитъ для человѣка 25 рублей за четырехъ-дневный трудъ, который помнитъ, какъ онъ работалъ 12 часовъ по 10 копѣекъ въ день.

Онъ удивился:

— Такъ мало? Такая эксплоатація?

— Да. Но прежде, чѣмъ получать 10 копѣекъ—нужно два года проработать безъ копѣйки.

Онъ покачалъ головой:

— Такая эксплоатація.

Помолчалъ и предложилъ:

— А полечиться не хотите?

Я высказалъ, что, какъ не хотѣть, но выразилъ и сомнѣніе, что, пожалуй, ничего не выйдетъ: болѣзнь застарѣла.

— Все-таки, попытаемъ. Я вамъ дамъ къ одному профессору карточку. Сходите къ нему.

Получилъ я карточку, поблагодарилъ и хотѣлъ идти, но онъ меня опять задержалъ:

— Обождите еще минутку.

Ушелъ и вернулся—протягивая мнѣ 25 рублевку:

— Вотъ вамъ пока.

Этого я совсѣмъ не ожидалъ; денежный вопросъ былъ гдѣ то еще впереди, я не успѣлъ къ нему подготовиться, не пережилъ наединѣ такого рѣшенія, которое даетъ силу просить о такой уже помощи.

Неподвижно я стоялъ передъ Петровымъ, охваченный одновременно и мучительнымъ стыдомъ и безграничной благодарностью за предупредительную отзывчивость.

— Не стѣсняйтесь, не стѣсняйтесь. Когда получите гонораръ за разсказъ—сочтемся.

Это было сказано тепло, задушевно—и уже окончательно порабощенный и растроганный до глубины души, я молча принялъ деньги, молча связалъ себя съ этимъ человѣкомъ чувствомъ: одно слово этого человѣка, посылающее тебя на смерть — пойдешь не задумываясь.

Мы простились. Необузданный въ страданіи, когда поглощенный цѣликомъ своими внутренними переживаніями не видишь впереди себя предметовъ и прешь на стѣну, на человѣка, я былъ необузданенъ точно также и въ радости: прежде я чуть не наткнулся на книжный шкафъ, потомъ пошелъ не въ ту дверь.

— Не сюда,—замѣтилъ хозяинъ:—Идите за мной.

Онъ вывелъ меня черезъ парадный ходъ и, прощаясь вторично, спросилъ

— А у васъ есть еще разсказы?

— Есть. Посмотрю и, можетъ быть, что нибудь выберу.

— Вотъ-вотъ. Выбирайте и приходите ко мнѣ. Можетъ, и изъ нихъ кое что будетъ подходящее.

На дворѣ уже наступали сумерки. День сырой, туманъ клубился надъ городомъ, порывистый, рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ

холодомъ, а я, какъ въ блаженномъ снѣ, ѣхалъ на коночныхъ клячахъ, потомъ на паровой конкѣ, видѣлъ массу то сѣрыхъ и кислыхъ, то злыхъ лицъ—многіе съ недоумѣніемъ, а иные съ ненавистью посматривали на меня: уже стемнѣло, вѣтеръ бушевалъ во всю и люди, очевидно, не понимали, какъ можно сіять такъ, какъ я, въ такую тьму египетскую.

Я ѣхалъ домой и добродушно припоминалъ «рыцарей Нижняго»:

— Привѣтъ, вамъ, господа! Живъ еще Богъ въ душѣ человѣка—и когда встрѣтишь такого человѣка, послѣ васъ—лучше и полнѣе его оцѣнишь.

Черезъ полторы недѣли я явился къ Петрову вторично; привезъ ему еще два разсказа. Пылкая молодость: одинъ былъ уже вновь написанъ.

Онъ встрѣтилъ меня ласковымъ, немного усталымъ взглядомъ и вопросомъ.

— Ну, какъ у насъ дѣла съ леченіемъ?

Я высказалъ, что былъ у профессора, но лечиться у него не приходится. Мнѣ нужны массажъ и водолеченіе—водолечебницы при этой больницѣ не имѣется. Ходилъ по совѣту профессора въ общину «Краснаго Креста»—результатъ и тамъ неутѣшителенъ: леченіе дорогое, 90 рублей въ мѣсяцъ.

— Да, это дороговато,—отозвался Петровъ:—Рублей-бы 30.

Немного подумалъ:

— А впрочемъ, туда, пожалуй, мнѣ можно будетъ устроить васъ безплатно.

Въ общинѣ, кромѣ сестеръ милосердія, мужскаго персонала въ родѣ фельдшеровъ не имѣлось, мнѣ нуженъ былъ общій массажъ, водолеченіе тоже требовало полной наготы—и пришлось мнѣ говорить Петрову, что тяжесть смущенія передъ женщинами я не могу пока себѣ представить.

Онъ выразилъ сомнѣніе:

— Не можетъ быть, чтобы все дѣлалось сестрами. Должны быть, массажисты, при водолеченіи—служителя.

Я увѣрялъ, что нѣтъ. Онъ пошелъ справляться по телефону. Вернулся въ не меньшемъ смущеніи, чѣмъ я:

— И въ самомъ дѣлѣ. Странно! Ну, ничего. Я подумаю, куда бы васъ еще устроить.

Передъ моимъ приходомъ онъ что-то писалъ,—я передалъ ему разсказы и поспѣшилъ было убираться во свояси.

— Уже уходите?

— Вы заняты.

— Это ничего.

Посмотрѣлъ на меня—меня знобило.

— Вотъ что. Выпей-те-ка стаканъ кофе. Продрогли вы. Онъ хорошо согрѣваетъ.

Отъ кофе я отказался и заявилъ, что лучше пойду на кухню и обогрѣюсь у плиты.

— Ага. Ну, идите.

Я пошелъ. Черезъ минуту и онъ навернулся—остановился у плиты, потеръ надъ ней руки и, предложилъ:

— Если кофе не хотите, выпейте чаю. Скорѣе согрѣетесь.

Отъ чаю я не отказался. Онъ простился и вернулся къ прерванной работѣ; но минуты черезъ три явился вновь и предложилъ мнѣ пить чай въ комнатѣ.

Я его понялъ и возражалъ:

— Но мнѣ и здѣсь удобно. Тепло — вотъ главное. Спасибо. Не безпокойтесь.

Онъ увѣрялъ, что въ комнатѣ тоже очень удобно и тепло, а потомъ взялъ меня подъ руку и мягко потянулъ за собою:

— Экій вы несговорчивый!

Привелъ въ небольшую комнату, усадилъ, исчезъ и явился минутъ черезъ пять со стаканомъ чаю, котлетой и яичницей.

Я искренно протестовалъ:

— Но я сытъ. Я ничего, кромѣ чаю, не хочу.

— Ничего. Съѣшьте. День холодный. Дорога вамъ дальняя. А отъ усиленнаго питанія внутренней теплоты бываетъ больше. Непремѣнно съѣшьте!

Я вооружился вилкой и ножомъ—онъ съ улыбкой простился:

— Наконецъ-то, покоренъ! *)

Съ этого дня, являясь къ нему, я ходилъ черезъ кухню безъ слѣда горькаго чувства: какъ свой человѣкъ, который убѣжденъ, что самолюбіе въ данномъ случаѣ ложно и не хочетъ отрывать отъ дѣла прислугу бѣготней къ параднымъ дверямъ. **)

---

*) Я дѣйствительно былъ покоренъ—но чѣмъ платится душа человѣка впослѣдствіи за такую покорность?

**) Крупицу элементарнаго такта и минутную вспышку любви къ ближнему, я по молодости, принялъ за фактъ, что на тебя не смотрятъ сверху внизъ.

Прошла еще недѣля. Недѣля того восторженнаго состоянія, когда все мое я жило чистой радостью, что вѣра моя въ человѣка не уподобилась безплоднымъ крикомъ погибающаго въ пустынѣ.

Я поѣхалъ къ Петрову въ третій разъ.

Бесѣда началась объ одномъ изъ моихъ разсказовъ.

— Нѣкоторые герои неестественны,—заявилъ онъ.

Я сознался, что есть типы съ натуры и есть вымышленные и, послѣдніе, должно быть, вымышлены неудачно.

— Ну, вотъ. Я такихъ людей хорошо зналъ: самъ родился въ кабакѣ.

Вещь моя по темѣ была аналогична съ разсказомъ Горькаго «Бывшіе люди».

Большими, тяжелыми шагами хозяинъ ходилъ по кабинету и говорилъ, что цѣнно должно быть въ искусствѣ; сказалъ кое что и о Горькомъ:

— Это талантъ, но онъ сломалъ себѣ на босякахъ голову. Когда то я ему говорилъ: «Пойте своимъ голосомъ, хоть маленькимъ, но не будьте подголоскомъ. Ницшеанскій башмакъ для васъ узокъ». Не захотѣлъ и пошелъ не по тому пути.

Я жадно его слушалъ. «Ницшеанскій башмакъ»,—что это такое? Ничего такого я не знаю — и горѣлъ страстной жаждой учиться, а рядомъ съ этой жаждой просыпалось безсильное отчаяніе: Не поздно-ли? Все лучшее для этого, кажется попадало, какъ осеннія листья и унесено бурей прошлаго. Не поздно-ли»?

Тяжкую усталость я носилъ въ себѣ оттого, что недугъ раздавилъ мою самостоятельность, что внѣ сферы зависимости мое существованіе невозможно и оттого, что весь пройденный мною путь—былъ тѣмъ скорбнымъ путемъ, который легъ на свѣтлыя стороны моей души черными тѣнями безнадежности.

Я смотрѣлъ на Петрова—на его крупную фигуру, на мягкое раздумье лица, на усталость, постоянно живущихъ мыслью глазъ,— и такъ хотѣлось сказать ему:

— Минуты у васъ—отдыхъ для меня за годъ, но эти же минуты—и источникъ новыхъ мученій. Какой я писатель? Что я знаю? Знаю только жизнь трудящихся, то, что подобно той слѣпой лошади, которая думаетъ, что она идетъ впередъ, а на самомъ дѣлѣ толчется на одномъ мѣстѣ: толчется и не видитъ, что она вращаетъ одинъ и тотъ же, одинъ и тотъ же проклятый кругъ только за одинъ кормъ, только за жалкое право своего существованія до тѣхъ поръ, пока на этомъ кругу не упадетъ. Я изъ числа упавшихъ, изъ числа, можетъ быть, къ несчастью своему, немного прозрѣвшихъ, но сильно отравленныхъ. Страшно по временамъ касаться къ дѣлу писательства съ такой душой. Смутно чувствую, что есть что то, что есть «святая-святыхъ жизни»—но что? Страшно думать объ этомъ, когда не увѣренъ, что можешь отличить святое отъ низменнаго, цѣлесообразное отъ безцѣльнаго, вѣчное отъ бреннаго. Научите! Ибо тяжко жить душѣ, когда она цѣликомъ ни во что не вѣритъ, никому не молится.

Такъ хотѣлось сказать, но боязнь, проклятая боязнь человѣка лишеннаго свѣта знанія, вынужденнаго блуждать въ потемкахъ и находить выходъ исключительно только своимъ разумомъ и своими чувствами—такая боязнь сковала мои уста: Что такое я—дикарь; а вдругъ, выпалишь какую нибудь глупость?!

И я ограничился тѣмъ, что попросилъ книгъ, и спохватился, что слишкомъ надолго оторвалъ человѣка отъ работы.

Простились. Петровъ вынулъ изъ кармана и протянулъ мнѣ 25 рублевку.

— Вотъ вамъ еще на расходы.

Я взглянулъ ему прямо въ глаза совершенно свободно.

— Но, Григорій Спиридоновичъ, у меня еще тѣ не вышли.

— Ничего, ничего. Сочтемся. Питайтесь лучше. Это вамъ необходимо. А потомъ—комната у васъ какова?

— Комната незавидна. И холодновата, и сыровата.

— Ну, вотъ, перемѣните на хорошую.

Я молча пожалъ ему руку. Онъ отворилъ мнѣ изъ кабинета дверь и, пропуская, сказалъ:

— Пишите. Изъ васъ что нибудь выйдетъ. Какъ напишите новую вещь—приносите.

«Пишите».

Просыпаясь утромъ и сейчасъ же вставая съ постели—я мысленно повторялъ это слово:

— Пишите.

Ложился за полночь и засыпая, думалъ все о немъ-же:

— Пишите.

Оно мнѣ создавало повышенный дурманъ, подобный состоянію древнихъ экстатиковъ. Климатъ Петербурга былъ для меня недопустимый климатъ: мои ревматизмъ протестовалъ не только иногда

прямо жесточайшими болями, но и прогрессирующимъ уродствомъ суставовъ.

Я буквально отказался отъ чаю и быкомъ пилъ—въ день стакановъ по 15,—настой изъ травы «Звѣробой»: эта отвратительная бурда спасала меня отъ тѣхъ обостреній, когда болѣзнь на нѣсколько мѣсяцевъ укладываетъ въ постель.

Въ дни особенно сильныхъ недомоганій, когда упорная боль въ плечѣ или въ кисти руки, отрывала на нѣсколько времени отъ работы и вселяла въ душу тягостное чувство такого существованія—я бодро гналъ это чувство прочь.

Кому легче живется? Только тѣмъ, кто на несчастьѣ другого съ легкимъ сердцемъ строитъ свое счастье, а остальные — всякій въ этой жизни несетъ свой крестъ и всякому онъ по своему тяжелъ.

Вотъ Катя, знакомая сестры, дѣвушка 28 лѣтъ, съ горячими синими глазами, въ глубинѣ которыхъ судоржно бьется тоска молодого тѣла, и постоянно нервной дрожью тонкихъ рукъ: она мужественно выдерживаетъ борьбу за существованіе, но мучительно недоумѣваетъ: «Къ чему? Мнѣ мало быть сытой: я хочу отъ жизни и радостей. А радости то и нѣтъ. Кругомъ такая тупость и пошлость! Человѣка въ ней не вижу. Кажется, что если такъ еще года три проживешь—въ петлю полѣзешь».

Она горитъ и изнываетъ оттого, что не встрѣчаетъ хоть сколько нибудь достойнаго человѣка, которому можно было бы отдать свое первое чувство.

Вотъ Полина Семеновна, женщина 40 лѣтъ, мать четверыхъ дѣтей, умная, глубокая женщина, выстрадавшая въ жизни необыкновенное чутье къ несчастью другихъ и необыкновенный тактъ, какъ къ несчастью другого подойдти.

Когда она приходитъ ко мнѣ, я напередъ знаю, что значитъ ее сильно проняло, но знаю такъ же и то, что не услышу изъ устъ ея ни одной жалобы на свое положеніе, гдѣ приходится изворачиваться не только за себя, но и за судьбу дѣтей.

Мы попьемъ чайку, иногда выпьемъ и «монопольки», мы потолкуемъ объ отвлеченностяхъ, на оба въ этихъ отвлеченностяхъ уловимъ, гдѣ и въ чемъ лежитъ скорбь каждаго изъ насъ—мы потолкуемъ и неизбѣжно окончимъ бесѣду съ сознаніемъ: побольше мужества въ жизни!

Несмотря на свои сорокъ лѣтъ, на появляющуюся сѣдину въ волосахъ, Полина Семеновна носитъ въ себѣ какое-то темное, смутное обаяніе, подобное власти обаянія лѣтнихъ темныхъ ночей.

И когда я прощаюсь съ нею, когда ощущаю въ своей рукѣ теплый, нѣжный атласъ ея руки и вижу ея хорошо сохранившуюся фигуру — я чувствую, что эта женщина далеко еще не изжилась не износилась, какъ лучшіе годы молодости протекли безъ счастья, пошли на закалъ души: ей и теперь бы жить-да жить, но нѣтъ, поздно — это уже не женщина, а фанатикъ, гордо бросающій вызовъ всѣмъ превратностямъ своей судьбы.

Вотъ сестра. Видъ ея у меня иногда вызываетъ улыбку. Жизнь ее немного по головкѣ погладила—и зубы ея не такъ уже напряженно сжаты. Все чаще и чаще на ея лицо набѣгаетъ улыбка — робкая улыбка, улыбка тихой радости.

Она отдыхаетъ: не видитъ и не дрожитъ передъ пьяной рожей мужа, не живетъ боязнью за то, что за слѣдующій мѣсяцъ нечѣмъ будетъ платить за комнату.

Большаго о ея переживаніяхъ я ничего не знаю. Она молчитъ, двигается по комнатѣ не слышно и напоминаетъ о себѣ только тогда, когда замѣтитъ, что мнѣ что нибудь нужно. Она молчитъ по недѣлямъ и вдругъ безъ всякаго повода заговоритъ со мной:

— Я такъ его боялась. Я думала, что онъ убьетъ тебя, когда ты его станешь выгонять, а онъ такой трусъ оказался... Такой трусъ: заплакалъ и ушелъ.

Я смотрю сестрѣ въ глаза и вижу, что молодая жизнь, пожалуй, раздавлена совсѣмъ: при сознаніи, что мужъ оказался жалкимъ трусомъ—у ней все-таки при воспоминаніи о немъ паническій страхъ.

Этими тремя лицами исчерпывались мои непосредственныя наблюденія, а приблизительныя... Я радъ, что передъ единственнымъ окномъ моей комнаты торчитъ брандмауеръ! Это представляетъ извѣстныя неудобства—онъ мнѣ заслоняетъ свѣтъ, но за то создаетъ иллюзію, иногда такъ необходимой замкнутости.

Я не увижу изъ своей комнаты гордыхъ, самодовольныхъ походокъ, важной надменной поступи и, безпечныхъ, съ печатью ничего не понимающаго идіотизма, кромѣ себя,—гнусныхъ лицъ!

Вотъ имъ легко живется! Какъ бы быстро не катилось колесо жизни, колесо взаимнаго истребленія — наглость поможетъ имъ всегда держаться на высотѣ его.

И неужели такъ навсегда: задавленные необъединятся, не научатся различать подъ маскою друга смертельнаго врага?

Такъ, въ дни особенно сильныхъ недомоганій—я гналъ тягостное чувство изъ души прочь. И боль становилась менѣе чувствительной, потомъ исчезала совсѣмъ.

О, свято-вѣрующая молодость,—какъ ты наивно поклонялась одному слову:

— Пишите!

Чего не сулилъ мнѣ этотъ пустой звукъ? Чудилась свѣтлая жизнь--путь свободный отъ гнуснаго торжища жизни, путь высшихъ чаяній души!

Недолгій самообманъ, недолгое заблужденіе: тамъ, гдѣ дѣйствительность творится людьми, не уясняющими себѣ вполнѣ своихъ дѣйствій и поступковъ, тамъ атмосфера полна жестокихъ разочарованій: скоро создаются иллюзіи и скоро исчезаютъ. Тамъ человѣческая душа—игрушка: чѣмъ ни болѣе въ ней блеска, тѣмъ скорѣе ее разобьютъ.

Одинъ изъ моихъ—вновь написанный,—разсказовъ, Петровъ пытался устроить въ «Русское Богатство».

Когда я писалъ его и, когда несъ къ Петрову—я боялся: «А вдругъ, закатитъ мнѣ головомойку? Мальчишка, еще нигдѣ не печатавшійся, и вдругъ походъ на писателей съ именами? Что, если скажетъ: Это раненько, молоко еще на губахъ не обсохло»! И велика была моя радость, когда на мои вопросы: «Каковъ разсказъ? И можно-ли его гдѣ нибудь напечатать»,—я получилъ отвѣтъ:

— Ничего разсказъ. Напечатать можно.

Я высказалъ свои опасенія.

Петровъ благосклонно улыбнулся; спросилъ меня, что это за имена и, замѣтилъ:

— Это ничего. Настоящія имена лицъ, вѣдь, не названы. *) А остальное, если въ рукахъ писателя печатное слово оружіе, то почему зарвавшихся молодчиковъ изъ писателей не бить этимъ же оружіемъ?

Немного помолчалъ:

— Я его отдалъ въ «Русское Богатство». Недѣли черезъ двѣ дадутъ отвѣтъ.

---

*) Этотъ разсказъ—разсказъ о моихъ похожденіяхъ въ Нижнемъ, помѣщенный въ I выпускѣ. Запомните, читатель: когда мы благотворимъ, мы далеко не прочь отъ обличенія въ жестокосердечіи другихъ!

Физіономіи «Русскаго Богатства» я совершенно не зналъ и побоялся за разсказъ уже только потому, что журналъ изъ толстыхъ.

Хотѣлось высказать свою боязнь, что разсказа моего въ такой журналъ не примутъ, что мало еще я поработалъ, но остановила мысль, что Петровъ болѣе знаетъ меня, что дѣлаетъ.

Мои опасенія оправдались: разсказа не приняли. Неудача особенно сильно на меня не повліяла, а тутъ еще новый сюрпризъ: къ этому времени я написалъ еще разсказъ «Въ заводѣ», *) который Петрову показался лучшимъ изъ всѣхъ, что онъ читалъ изъ моихъ вещей—онъ довольно потиралъ руки, когда высказалъ мнѣніе о немъ:

— Хорошій разсказъ! Жизненный. Содержательный. Впечатлѣній много. Я васъ устрою въ «Русское Слово». Тамъ будетъ постоянный заработокъ.

«Устрою»—это звучало полной увѣренностью. И какъ не вѣрить было мнѣ: Петровъ былъ тогда въ модѣ и «Русское Слово» на своихъ страницахъ жирнымъ шрифтомъ неустанно повторяло своимъ читателямъ: «При постоянномъ участіи священника Г. С. Петрова».

Меня это, какъ наивнаго провинціала,—думаю, что кромѣ меня, и многихъ,—ослѣпляло: казалось, что Петровъ въ «Русскомъ Словѣ»—первая сила.

Но... это «Устрою» было послѣдней иллюзіей, давшей мнѣ извѣдать только сладость головокруженія.

Ѣхалъ я домой и пробовалъ сомнѣваться:

— Въ «Русскомъ Словѣ»—Амфитеатровъ, Дорошевичъ, Немировичъ-Данченко, наконецъ, самъ Г. Петровъ... все имена, крупныя имена... и вдругъ я!**) Ужъ не ослышался-ли? Да нѣтъ. Если бы сказалъ: «попытаюсь устроить». Тогда бы—бабушка на двое сказала. А то, вѣдь, прямо, безъ оговорокъ: «Устрою».

На другой день Петровъ уѣхалъ въ Москву; вернулся черезъ недѣлю—для насъ обоихъ наступила расплата. Сообщать объ этомъ

---

*) Этотъ разсказъ претерпѣлъ большія мытарства, былъ роковымъ въ переломахъ моей судьбы и, поэтому я даю его названіе.

**) Непонятнымъ, незаслуженнымъ, величайшимъ счастьемъ мнѣ казалось попасть сотрудникомъ въ „Русское Слово“.

мнѣ, Петрову, очевидно было тяжело: онъ не глядѣлъ на меня и отрывисто бросалъ:

— Въ «Русскомъ Словѣ» неудача. Я несомнѣвался, что разсказъ «Въ заводѣ»—будетъ дебютирующій разсказъ. Вышло иное. Это для меня полная неожиданность.

Я былъ сразу раздавленъ:

— Григорій Спиридоновичъ, можетъ быть, мнѣ совсѣмъ не надо писать? Бросить писать?

— Ну, вотъ. Пишите. Начинающему на первыхъ порахъ вообще трудно. На эту неудачу особеннаго вниманія не обращайте: она не показатель непригодности разсказа. Тамъ на такія вещи иные взгляды—и только. Примиримся съ этимъ. Вамъ нужно подыскать какое нибудь подходящее мѣсто. На этотъ счетъ...

Я недалъ ему договорить—безнадежно отмахнулся рукой и сказалъ:

— Трудно на это надѣяться. Здоровыхъ людей много, а я что?

— Трудно, словъ нѣтъ. Но эту заботу я возьму на себя.

Я ожилъ, поблагодарилъ Петрова, и отправился домой. Перспектива собственнаго заработка улыбалась лучше, чѣмъ брать деньги у Петрова, не зная—вернешь-ли ихъ когда.

Насчетъ мѣста я долженъ былъ навѣдаться черезъ двѣ недѣли. Томительно шло это время. Отъ неудачъ—писательскій дурманъ схлынулъ: не могъ уже писать слѣпо, какъ раньше, не зная, что въ твоемъ трудѣ цѣнно и, что негодно.

За письменнымъ столомъ я просиживалъ не меньше, чѣмъ и до этого—но на бѣлый листъ бумаги, иногда за цѣлый день незаносилось ни одной строки.

Собственными силами я хотѣлъ научиться «чувству мѣры», художественному чутью и падалъ отъ непосильности такой задачи: слишкомъ мало я для этого читалъ, слишкомъ мало работалъ, и слишкомъ сильно давила зависимость.

Сознаніе мутилось отъ тоскливаго напряженія — и когда я поѣхалъ къ Петрову, я рѣшилъ просить его объ указаніяхъ.

Съ первыхъ же словъ Петровъ навелъ рѣчь на то, гдѣ я въ бытность рабочимъ бывалъ, въ какихъ заводахъ работалъ и, когда я разсказалъ, онъ мнѣ предложилъ:

— Знаете что? Напишите мнѣ все: гдѣ работали, какіе гдѣ порядки, что вамъ пришлось пережить. Пишите, незаботясь о литературности—это мнѣ послужитъ матеріаломъ, который я обработаю самъ. Согласны?

Еще бы мнѣ не согласиться!

— Ну, вотъ. Пишите, а я вамъ за это заплачу дороже, чѣмъ бы заплатили редакціи.

Я высказалъ, что платы мнѣ не надо, что я безмѣрно доволенъ и тѣмъ, что выпадаетъ случай быть полезнымъ, а потомъ повѣдалъ и о своихъ «мукахъ слова».

Онъ живо отозвался:

— Это хорошо. Кто изъ пишущихъ собою всегда доволенъ—отъ того проку мало. Это хорошо, но вотъ статья: сдѣлать вамъ тѣ указанія, о какихъ вы просите, я не могу. Для этого нужно читать ваши вещи вмѣстѣ, а у меня на это время нѣтъ. Дѣлъ по горло.

Помолчалъ. Посмотрѣлъ на меня и, должно быть, я имѣлъ очень убитый видъ, когда ему захотѣлось меня утѣшить:

— Очень-то не огорчайтесь. Можетъ быть, какъ нибудь и урвемъ для этого свободный денекъ.

Я повѣрилъ «въ денекъ» и, энергично засѣлъ за матеріалъ для Петрова. Черезъ недѣлю доставилъ ему половину, а еще черезъ три дня заѣхалъ узнать: какъ ему этотъ матеріалъ кажется, будетъ-ли годенъ.

— Это внѣ сомнѣнія. Пишите еще. Пишите включительно до того времени, когда не въ силахъ уже стали работать. Я изъ этого матеріала думаю создать большую вещь.

Черезъ недѣлю я привезъ остальное. Всего было около шести печатныхъ листовъ.

Я хорошо понималъ: почему такой матеріалъ понадобился Петрову. Было начало февраля 1905 года—Гапонъ своимъ историческимъ шествіемъ во главѣ рабочихъ пробудилъ интересъ къ пролетаріату.

И хотя у меня у самого бродила мысль использовать то, что пережито въ бытность рабочимъ, ради Петрова я отказался отъ этой мысли съ радостью.

Прошелъ февраль. Наступилъ мартъ. Самочувствіе становилось отчаяннымъ: ревматизмъ не дремалъ, писательскій дурманъ исчезъ безслѣдно, ибо на его мѣсто явилась проза: денегъ мнѣ уже не предлагаютъ, а я просить не могу!

Безъ иллюзій, безъ розовыхъ самообмановъ я все чаще и чаще становился лицомъ къ лицу съ жестоко-лживой дѣйствительностью. Были за это время съ Петровымъ рѣдкія встрѣчи—тѣ темныя, недоговоренныя встрѣчи, послѣ которыхъ на душу падаетъ тяжесть, что тобою, кажется, тяготятся, тѣ встрѣчи безъ мужества — взглянуть на тебя прямо, сказать тебѣ правду.

Глаза Петрова опущены или внизъ, или устремлены въ сторону, голосъ сухъ, оффиціаленъ. Каждый разъ меня порывало объясниться на чистоту, высказать, что если желаніе помочь становится уже тягостнымъ, вынужденнымъ, то я такой помощи не принимаю—и каждый разъ меня останавливало деликатное чувство, что я могу оскорбить человѣка, заподозривъ его въ томъ, о чемъ онъ и не думалъ.

Ждалъ я отъ Петрова одного: мѣста. И всякій разъ слышалъ одно:

— Ищу. Но пока ничего подходящаго для васъ нѣтъ.

Иной разъ добавитъ:

— Время для этого у меня маловато. Но не безпокойтесь очень: что нибудь, да подыщемъ.

Я говорилъ, что въ моемъ положеніи не до выбора: рублей на 25 на 30—и это для меня благо.

И ѣхалъ домой.

Ѣхалъ съ чувствомъ безнадежности и въ то же время не допускалъ, что изъ одного только малодушія меня водятъ за носъ.

Нельзя было въ это повѣрить. Вѣдь, я читалъ Дорошевича! Я читалъ и не забылъ то, что является при обстановкѣ: сытые и обезпеченные люди сидятъ въ комфортабельномъ уголкѣ, сидятъ за столомъ полнымъ деликатессъ изъ винъ и закусокъ, сидятъ и бесѣдуютъ, умиляясь благородствомъ другъ-друга, ибо жизнь, подлинная бѣдная, убогая, проклятая жизнь отъ нихъ въ это время безконечно далека, ибо они другъ въ другѣ не нуждаются, а если таковое и случится — кому неизвѣстно, какъ охотно, съ какой радостью открываются кошельки кредитоспособнымъ друзьямъ?

Я читалъ и не забывалъ Дорошевича, который о Петровѣ писалъ, что это «священникъ Бога живого»!

Я читалъ въ то время, когда еще жизнь не научила меня понимать психологію буржуа, когда еще не дала мнѣ той остроты зрѣнія, которое за пышными и красивыми фразами видитъ мерзость запустѣнія.

Дома меня встрѣчала сестра:

— Ну, что? Ничего еще?

— Ничего.

Пока я снимаю пальто, она зорко слѣдитъ за моими руками: не выну-ли изъ кармана денегъ и не положу-ли на столъ, какъ это всегда дѣлалъ, когда являлся съ деньгами.

Съ щемящимъ сердцемъ я вижу ея разочарованіе, слышу ея тихій, подавленный вздохъ: завтра она пойдетъ въ ссудо-сберегательную кассу за деньгами!

Оказалось, что часть свою съ продажи дома, она всю не прожила, какъ я поѣздкой въ Нижній: ревниво до моего пріѣзда хранила 75 рублей—сумма, которая ей сулила спокойную жизнь:

— Съ машиной работу дома всегда имѣть можно. Безъ машины, какъ безъ рукъ. Жди, когда тебя позовутъ. Ждешь мѣсяцъ, а позовутъ—отработала недѣлю, а потомъ опять жди. Сколько разъ своему дураку говорила: не пей—и поправимся! Не слушалъ. Ну, и мучилась: сидишь бывало голодная и думаешь: будь бы машина—не голодала; деньги на машину есть—купить нельзя: живо стащитъ и пропьетъ. Иногда прямо молила: хоть бы издохъ, пьяница, поскорѣе!

Вздыхаетъ сестра. Тяжко ей разставаться съ деньгами на машину—но вѣритъ она въ Петрова:

— Ну, смотри. Я возьму еще. Но когда ты получишь мѣсто—не забудь меня: верни, сколько я взяла.

И еще встрѣча—послѣдняя.

Три позорныя минуты!

Сунулъ мнѣ Петровъ мои три разсказа.

— Вотъ что. Сходите-ка вы съ этими разсказами въ «Русь» къ Боцяновскому и въ «Биржевыя вѣдомости» къ Измайлову. Скажите, что отъ меня. Можетъ быть, они у себя эти разсказы устроятъ. Да кстати, побывайте въ «Вѣстникѣ трезвости». Странно: вашъ разсказъ я отдалъ туда давно, а онъ до сихъ поръ почему-то не напечатанъ.

Я выслушалъ и спросилъ:

— А насчетъ мѣста ничего утѣшительнаго?

— Пока ничего.

Потомъ тономъ полувопроса и полуутвержденія Петровъ бросилъ:

— Денегъ у васъ нѣтъ...

Я молча наклонилъ голову. Онъ далъ мнѣ 15 рублей и, вставая, протянулъ руку:

— До свиданія! Извините. Ѣду сейчасъ. Спѣшка.

На другой день я поѣхалъ въ «Вѣстникъ трезвости». Путь изъ Лѣсного до Гороховой не близкій; погода и для Петербурга нарѣдкость скверная—сильно болѣли ноги, но до редакціи я добрался бодро.

Тамъ меня ждало нѣчто. Выслушалъ редакторъ суть моего посѣщенія, порылся въ столѣ и, заявилъ:

— Никакого разсказа отъ Г. Петрова ко мнѣ не поступало.

Я пылко возразилъ, что не можетъ этого быть, ибо Петровъ говорилъ, что разсказъ сдалъ давно и удивляется: почему онъ до сихъ поръ не напечатанъ.

Редакторъ улыбнулся:

— Удивляется? Ну, это для меня не удивительно. Разсѣянъ онъ очень. Вѣроятно, только думалъ сдать къ намъ разсказъ— и забылъ.

Я молча поклонился редактору и вышелъ изъ редакціи, въ сильно-угнетенномъ состояніи духа. Сразу ощутилась вся сила недомоганія и обратный путь домой казался непосильнымъ, невозможнымъ. Я стоялъ передъ дверью редакціи, облокотившись на перила лѣстницы, и видѣлъ улыбку редактора и повторялъ его фразу: «Разсѣянъ онъ очень».

И хотя сознаніе мое говорило мнѣ, что фактъ ненахожденія въ редакціи разсказа—самъ по себѣ ничтожный фактъ, изъ за котораго не стоитъ волноваться, что нѣтъ ничего проще выяснить это недоразумѣніе, какъ вернуться въ редакцію и по телефону переговорить съ Петровымъ—я все-таки не двигался съ мѣста: ропотъ изнемогающаго отъ мукъ тѣла властнѣе сознанія внушалъ, что всякіе переговоры безплодны, что полоса истинно-человѣческаго отношенія кончилась, что наступила другая—полоса безразличія, равнодушія,—то, что уже неспособно чувствовать свою жестокость, то, что уже не можетъ содрагаться передъ страданіями человѣка.

Припомнилось то участіе, проявленное, когда я къ Петрову явился въ первый разъ: «Сюда, человѣку вашего здоровья, трудно ѣхать. Отвѣтъ я вамъ дамъ письменно». Тогда, значитъ, понималъ, предусмотрѣлъ облегченіе, а теперь... путь до Гороховой для меня вдвое больше, чѣмъ до Новой деревни? Посылать такую развалину, когда есть телефонъ? Развѣ не ясно: прошло столько времени, а что сдѣлано положительнаго?

Я началъ спускаться съ лѣстницы. Нужна была боль духа, чтобы побороть власть боли тѣла.

Съ потемнѣвшими глазами, я пересаживался съ конки на конку, лѣзло мое горе по витымъ и крутымъ лѣстницамъ на трехъ-копѣечныя мѣста—человѣческая подлость и пошлость добивала и тутъ:

— Да лѣзьте же. Не задерживайте другихъ!

— Вотъ она жадность то! Ѣхалъ бы за пятакъ, коли Богъ убилъ, но нѣтъ—претъ на экономію.

Мутилось зрѣніе, невидящимъ взоромъ я блуждалъ по лицамъ оскотинѣвшихъ и дико озлобленныхъ рабовъ города—и рядомъ съ отвращеніемъ къ нимъ, появлялась жалость:

— Не вѣдаютъ, что творятъ.

Но тамъ, въ полѣ внутренняго зрѣнія, стоялъ человѣкъ,—прославленный, поднятый выше толпы, одинъ изъ числа лучшихъ людей своей страны,—который поднималъ во мнѣ бурю разнородныхъ чувствъ.

«Вотъ они эти учителя жизни... Гремящіе успѣхами своихъ бесѣдъ даже въ Маріинскихъ дворцахъ,—величественные и многомогущіе издали, а вблизи—прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а что въ результатѣ? Только пока слова, за вѣру въ которыя жестоко расплачиваешься, только пока благія обѣщанія—благія обѣщанія претворяющіяся въ дѣйствительности въ издѣвательство надъ загнаннымъ человѣкомъ».

Когда я добрался до дому и немного отлежался—я раскаялся: «Эхъ, голова. И неблагодарная голова! У человѣка по горло дѣлъ, не трудно о какомъ то разсказѣ и забыть — и на одномъ этомъ строить Богъ знаетъ какое обвиненіе»!

Я раскаялся, но отъ безотчетнаго чувства какой то тяжести, отъ странно повышеннаго состоянія нервъ отдѣлаться не могъ.

Было нѣчто похожее на то, что бываетъ съ людьми, страдающими грозо-боязнью: напрасно они смотрятъ на небо и не видя никакихъ зловѣщихъ признаковъ, увѣряютъ себя, что тре-

вога безосновательна, что небо ясно, но какъ бы они себя не увѣряли—глухое и тягостное предчувствіе ихъ не оставитъ.

Мучительно хотѣлось скорѣе разсѣять это состояніе, но ревматизмъ настолько разошелся, что о поѣздкѣ къ Петрову нечего было и думать.

Я написалъ письмо—съ просьбой извѣстить меня, въ какомъ положеніи вопросъ о мѣстѣ. Отвѣта не было. Прождалъ я его цѣлую недѣлю, каждый день утѣшая себя, что онъ очень занятъ, разсѣянъ, что если не нынче, такъ завтра, но онъ отвѣтитъ, а безпокойство все росло и, наконецъ, не выдержалъ.

И путь до Новой деревни—это было самоистязаніе не столько во имя самосохраненія, сколько во имя вѣры въ человѣка.

Когда я добрался до особняка, передъ которымъ бѣдняки испытываютъ смущеніе, и, когда оказалось, что «батюшки нѣтъ дома», а на мой вопросъ, когда онъ будетъ, я получилъ отвѣтъ: «Теперь долго не будетъ. Уѣхалъ до осени»—я прислугѣ не повѣрилъ и письменно попросилъ свѣдѣній у жены Петрова.

Она мнѣ на жалкомъ клочкѣ бумаги отвѣтила:

«Григорій Спиридоновичъ уѣхалъ заграницу.
Пасху намѣренъ провести въ Старомъ Іерусалимѣ;
въ Петербургѣ будетъ не раньше осени или зимы».

Мое безпокойство сразу разрѣшилось. Тихо, чудовищно-пусто на душѣ, тѣло мое—до такой степени упало самоощущеніе—не мое тѣло, ни мысли, ни чувства, кромѣ одного ощущенія, что на такое извѣстіе ты реагировалъ судорожно-искривленной улыбкой.

Я вышелъ изъ особняка, въ послѣдній разъ взглянулъ на художественную рѣзьбу массивныхъ дверей и отправился во свояси.

«Ты нищій,—говорилъ я себѣ во всю дорогу:—Ты въ самомъ началѣ оговаривалъ, что не хочешь милостыни—но тебѣ бросали милостыню, а когда это надоѣло, тебѣ сказали: нищій, довольно, больше не дадимъ»!

Я поражался своимъ безразличіемъ и, повторяя тяжкія слова, желалъ воспламенить себя до гнѣва, до злобы, до проклятія, но тихо, чудовищно-пусто на душѣ, а въ мірѣ безконечныхъ ощущеній, одно ощущеніе: судорожно-искривленная улыбка.

Съ ней и домой пріѣхалъ. Не жаль было сестры, ея наивно-завѣтной мечты о машинѣ—вошелъ и прямо поразилъ:

— Вотъ и конецъ. Бросилъ на произволъ судьбы. Человѣкъ ищущій помощи, ищущій того, чтобы его упавшаго подняли на ноги—мячикъ. Если не убито униженіемъ отъ одного, отъ другого,

отъ третьяго желаніе жить—значитъ запасайся терпѣніемъ, учись глотать униженія и перебрасывайся съ рукъ на руки.

Сестра поняла сразу—но тѣмъ забитымъ сознаніемъ, которое не сразу принимаетъ жуть дѣйствительности; она силилась сдѣлать спокойно-недоумѣвающее лицо:

— Бросилъ? Кто бросилъ? Говори толкомъ.

— Кто? Извѣстно кто—батюшка.

По ея лицу побѣжала мелкая дрожь.

— Ты не шути. Какъ онъ можетъ бросить*). А мѣсто то? Человѣкъ ждалъ-ждалъ—и вдругъ ничего.

— А очень, сестра, просто бросилъ: взялъ и уѣхалъ.

— Ну, пріѣдетъ.

— Конечно пріѣдетъ. Но не раньше осени или зимы.

— «Осени или зимы»? А чѣмъ жить-то?

— На этотъ счетъ, сестра, не мѣшало бы спросить батюшку.

Сестра на минуту замолкла. Потомъ—вспыхнули упреки, подавленныя слезы, сожалѣнія о томъ, что такъ глупо довѣрилась,—было то, что разъединяетъ кровныхъ, то, что омрачаетъ скорбью воспоминанія о юности.

Я молча перенесъ эту сцену.

А на другой день, сестра сдѣлала открытіе:

— Черезъ недѣлю Пасха. Къ какому празднику онъ тебя такъ подвелъ? Я изъ своихъ денегъ больше ни копѣйки не возьму: хоть какую нибудь старенькую машину на нихъ куплю.

— Можешь,—отозвался я.

— Конечно, могу. Но только, какъ же Пасха-то? Такой большой праздникъ... Неужели голодать будемъ?

Я молчалъ. Помолчала и она—и нерѣшительно предложила:

— Знаю: самъ ты не пойдешь. Но если хочешь—напиши женѣ Петрова, а я снесу. Можетъ, она что нибудь и дастъ: такой, вѣдь, праздникъ!

— Сомнѣваюсь.

*) Бѣдная женщина: когда она приводила въ порядокъ мой письменный столъ, она съ такимъ благоговѣніемъ, точно считала себя недостойной, касалась книгъ Петрова, данныя мнѣ, имъ-же.

— Ну, а все-таки.

Не уважая «батюшки», я могъ не считаться и «съ матушкой». Я сѣлъ и написалъ, что внезапный для меня отъѣздъ батюшки, оставилъ меня къ Пасхѣ безъ копѣйки и, если матушка проникнется христіанскимъ милосердіемъ къ такому празднику—я, если обстоятельства дадутъ мнѣ эту возможность, верну матушкѣ помощь съ благодарностью.

Сестра вернулась съ устнымъ отвѣтомъ:

— Ничего не дала. Прямо при прислугахъ мнѣ сказала: «Передайте брату, что батюшка помогалъ ему, сколько могъ; теперь помочь не можемъ». Я не помню, какъ я вышла. Ну, сказала бы одной, а зачѣмъ же при прислугѣ? Чуть-чуть я не сказала ей: мой братъ—не уличный нищій.

Я улыбнулся. Не было ни малѣйшаго чувства горечи: «матушка» за мораль своего «батюшки» не отвѣтственна!

Сестра тяжко вздохнула: жаль разставаться съ мечтой хоть о старенькой машинѣ, а приходится.

— Можешь и не брать,—замѣтилъ я.

— А что же будемъ дѣлать?

— Ничего.

Сестра уныло отмахнулась рукой и полѣзла за книжкой:

— «Ничего». Тоже скажетъ. Не умирать-же. Очень много будетъ чести!

Я съ удивленіемъ взглянулъ на сестру—такая святая простота, а что изрекаетъ: «очень много будетъ чести». Она меня встряхнула: у меня было безразличіе, граничащее съ тѣмъ, когда легко рѣшаютъ, что жить не стоитъ. На минуту явилось бодрое чувство: «Неужели сдаваться? Моего отца на конюшнѣ драли, а вѣдь, выжилъ, и умеръ, хоть бѣднымъ, но честнымъ человѣкомъ. Развѣ уже весь порохъ въ пороховницѣ»?

Но, когда я машинально подошелъ къ окну и брандмауеръ тупо всталъ передъ моими глазами, напоминая, что за нимъ городъ, то, что мнѣ не обойдти, это гнусное капище разнузданныхъ божковъ и униженныхъ, раздавленныхъ людей—исчезло бодрое чувство.

Припомнилась пора, пора здоровья, крѣпкихъ мускуловъ, пора, когда безъ копѣйки смѣло кочевалъ изъ города въ городъ, когда на алчность Капитала и жадность подленькихъ людей—отзывался незлобивымъ смѣхомъ: «Жри мое»!. «Поставь на свѣчки»!—припомнилась эта гордая, независимая пора и голова безсильно склонилась внизъ.

Долго я стоялъ у окна, а когда отошелъ—во мнѣ опять заговорила кровь потомка крѣпостного раба.

Вновь я принималъ душу щемящій темный путь «человѣка—мячика» уже безъ вѣры въ благородство «благодѣтелей», а со взглядомъ, гдѣ невольно вспыхиваютъ огоньки ненависти.

Дни до Пасхи и пасхальные дни—угрюмо и сурово проходилъ каждый день и, уходя, оставлялъ во мнѣ долю выпитаго за день яда.

Помимо воли мыслящее сознаніе, вибрирующіе напряженнымъ трепетомъ нервы—съ такими милыми качествами немыслимо закрыть глаза на уроки жизни.

Скрытая для другихъ, зіяющая для меня, моя рана болѣла неустанно, доводила моментами до той остроты, когда внутренне изнемогаешь, мечешься, падаешь отъ влитой въ тебя отравы и слѣпо бросаешься на то, что кажется противоядіемъ: тянуло «къ наставленіямъ» священника Г. Петрова, какъ алкоголика къ запою.

Минутами здоровое чувство говорило: что не надо касаться этихъ наставленій, этой морали сытаго буржуа въ рясѣ, но куда же: больной склоненъ поддаваться больше эксцессамъ своей болѣзни, чѣмъ совѣтамъ врача.

Присядешь къ столу. Вотъ первое наставленіе: «Евангеліе, какъ основа жизни».

Еще не добрался до первой страницы, видишь только еще обложку, заголовокъ, но уже чувствуешь, что физіономія твоя искажена судорожно-искривленной улыбкой.

И боль негодованія, боль глубоко оскорбленной гордости, боль такъ желаемая, когда сквернящая лицо гостья появилась на немъ впервые,—эта боль приходитъ, кричитъ:

«Нищій! Какъ унизили? За что? Ты извивался подъ бичомъ недуга и никогда не заикнулся о помощи противъ немощи тѣла: оцѣнили-ли красоту такого страданія? Ты пришелъ за волшебнымъ словомъ, которое бы вдохнуло смыслъ и цѣль въ поиски твоего разума, тебѣ вмѣсто такого слова наглядно показали, какой позорный разладъ можетъ уживаться рядомъ съ совѣстью писателя. Воспѣваемый на бумагѣ отвлеченный талантъ-самородокъ неявляйся къ намъ въ реальномъ

видѣ, ибо наша житейская, повседневная мораль—это: «Осади назадъ! Туда, въ тьму невѣжества, въ тиски нужды. Осади назадъ: нищій»!

Отвернешь обложку, заглянешь въ первую страницу, во вторую—все это уже знакомо, читано и принято на вѣру, что прекрасное въ этихъ строкахъ составное души писателя, неотдѣлимое отъ его совѣсти—но увы и ахъ... уже страшно заглядывать дальше и отбросишь книгу.

«Первый пастырь, встрѣтившійся на твоемъ пути... Пастырь, варьирующій на тысячу ладовъ притчу о заблудшей овцѣ... Пастырь, научившій тебя понимать, что «Евангеліе, какъ основа жизни»—это только красивая, возвышающая насъ теорія, непримѣнимая къ практикѣ въ жизни: у жизни свое евангеліе—и притчи изъ него, подобны притчѣ съ тобой».

Отойдешь отъ стола, побродишь по комнатѣ, ляжешь на постель: когда боль претворяется въ самоистязующее наслажденіе—безъ боли нестерпимая тоска.

Это нѣчто вродѣ неугомонно-ноющаго зуба—и не лучше сдѣлаешь, когда его начинаешь изступленно раскачивать, творить безплодныя попытки вырвать пальцами—и все таки дѣлаешь.

— Нѣтъ, погоди. Есть еще рецептъ спасенія «заблудшихъ овецъ»: «По стопамъ Христа».

Берется книга, перелистываются страницы и говорятъ, говорятъ, говорятъ...

Я читаю—и я доволенъ, я вознагражденъ!

Читатель, вѣрьте только такому писателю, котораго хорошо знаете лично: зная его, вы поймете, гдѣ у него *только поза* и, гдѣ его истинное я. Въ противномъ случаѣ,—только, можетъ быть, изъ тысячи одинъ изъ современныхъ писателей не введетъ васъ въ заблужденіе.

Я читаю поучительную повѣсть о томъ, какъ алкоголика спасаютъ отъ его порока и направляютъ «По стопамъ Христа». Всѣ въ этой повѣсти какъ то сказочно быстро, безъ треній идутъ по такимъ стопамъ.

Я читаю такую повѣсть и думаю, что я не алкоголикъ, но что, можетъ быть, не далеко то время, когда... возьму я эти гимны добродѣтели, данныя мнѣ къ тому же самимъ авторомъ, и... катну за полбутылки!

О, эти измышленія кабинетнаго человѣка, книжнаго крота, знающаго многообразную муку жизни настолько, сколько можетъ дать книга, фантазія въ теплѣ и уютѣ своего кабинета, личныя

наблюденія обезпеченнаго человѣка—тѣ наблюденія, когда сытое брюхо не понимаетъ голода, когда здоровое тѣло не можетъ почувствовать муки въ тѣлѣ крѣпящагося больного!

Но жизнь не кабинетъ, не книга, не самовлюбленная фантазія, наивно полагающая, что она спасаетъ человѣчество; жизнь не смѣется только надъ тѣми творцами, которые побывали во всѣхъ ея передѣлкахъ, а остальные — когда приходитъ къ нимъ сама жизнь, подлинная, настоящая, безъ прикрасъ—со всѣмъ своимъ ужасомъ и свѣтлой красотой,—не поймутъ слѣпые творцы ея скрытой красоты, а равно и ея кричащаго ужаса: все будетъ для нихъ надписью безъ смысла, крикомъ безъ значенія.

Я читалъ. «За стопами Христа» слѣдовали другія наставленія—*) столько наставленій, что меня начинала охватывать «словобоязнь».

Тогда я рѣшалъ, что на сегодняшній день довольно. Да уже и дню давно конецъ. Ночь. Тишина. Бросишься въ постель: а можетъ, поутихнетъ? Иллюзія!

Тишина. Изъ сосѣднихъ комнатъ—ни звука. Ничто не отвлечетъ. И вотъ тутъ-то опять учтешь: съ чѣмъ ты пришелъ и, что тебѣ дали?

Эхъ, молодость, плохо цѣнятся твои святые порывы; развернуть свои силы, небезплодно и не постыдно сгорѣть на огнѣ бытія!

Въ тишинѣ ночи мнѣ до ужаса ясно становилось, что за страстное самолюбіе я принесъ «къ первому пастырю», не то ложное, что въ ущербъ человѣку, ниже его достоинства, а то, что поднимаетъ личность, даетъ ей страсть напряженія въ поискахъ истиннаго, совершеннаго—то безконечно цѣнное, что жаждетъ Жизни и Человѣка и вѣритъ въ жизнь и въ человѣка кипучей кровью молодости, яснымъ, свѣтлымъ сознаніемъ, которое еще не растлѣно жестокосердечіемъ, не тронуто человѣко-ненавистничествомъ.

Я принесъ *большое положительное* — мнѣ дала *большое отрицательное*.

Въ тишинѣ ночи я рѣшалъ задачу: положительное—отрицательное=дай Богъ, если остается половина положительнаго.

И такъ иногда порывало въ этой тишинѣ крикнуть — пусть сочтутъ безумнымъ!—но крикнуть:

— Эхъ, вы, апостолы съ маленькой буквы, апостолы безъ паствы, учителя безъ учениковъ, апостолы—только съ большой

*) Сколько ихъ было и будетъ еще послѣ великой Жемчужины міра?!

аудиторіей, но съ тѣми жалко-ничтожными результатами, про которые Щедринъ сказалъ: «Писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ».

Пописывайте, господа!

Прошли Пасхальные дни и неволя меня погнала на болѣе широкое знакомство съ творцами литературной «Толкучки»*)

Темный, непросвѣщенный—я долженъ быть на горькомъ жизненномъ опытѣ постигать, что литературная толкучка не такъ проста, а главное—такъ чудовищно далека отъ того, что мнилось моему честному сознанію дикаря.

Дистанція—огромная, подавляющая.

Я увидѣлъ, что «на толкучкѣ» есть прилавки: чисто художественные, метафизическіе, научные; я понялъ, что каждый торгашъ разсматриваетъ человѣка и душу его только съ точки зрѣнія содержимости своего прилавка: «Эй, человѣче, все, что нужно для благодати твоей и для спасенія твоего—все у меня: двигайся ко мнѣ»!

Тутъ и позитивисты и христіане, тутъ реалисты и крайніе индивидуалисты — однимъ словомъ я натолкнулся на такую неразбериху, точныя разграниченія въ которой для моего ума оказались не подъ силу: чтобы хорошо знать всѣ многочисленныя ярлычки, всѣ оттѣнки и различія всѣхъ идущихъ подъ флагомъ искусства,—для этого нужно лѣтъ пять или десять сидѣть въ кабинетѣ и читать откровенія всѣхъ этихъ господъ. Но къ несчастью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ счастью, ибо, вѣдь, нѣтъ худа безъ добра, жизнь для меня была—не кабинетъ, не спокойное сцѣпленіе дней, мѣсяцевъ и годовъ, когда не нужно думать о кускѣ хлѣба на завтра, о кровѣ на ночь.

Да, я по своему невѣжеству не могъ знать всѣхъ разграниченій между дѣятелями «искусства»—но при столкновеніи съ ними чутко улавливалъ одну, всѣмъ общую черту; смертельные враги за товаръ своихъ прилавковъ, какъ будто бы ни съ какой стороны не похожіе другъ на друга, эти господа, за рѣдкими исключеніями, роднились этой общей чертой другъ съ другомъ, какъ двѣ капли воды.

*) Есть въ одномъ провинціальномъ городѣ рынокъ, называемый „толкучкой“, гдѣ торгуютъ исключительно завалью, старьемъ и, скверно, „на мальханъ сдѣланными“ новыми вещами.

Когда я сталкивался съ ними, когда нужда своей страшной пятой давила мнѣ на горло и рвала крикъ: «Спасите»!—я при видѣ этихъ господъ не только не могъ даже заикнуться о томъ, что я отчаянно нуждаюсь, но всѣми силами старался скрыть это.

Но какъ скрыть то, что нельзя скрыть: убогую, ветхую одежду, стоптанную обувь, истощенное недоѣданіемъ и болѣзнью лицо и тоску глазъ—безпредѣльную тоску человѣка, который все болѣе и болѣе убѣждается, что травля на него—травля на смерть, травля, гдѣ нельзя крикнуть, что тебя вездѣ и всюду только добиваютъ, травля,—забронированная кодексомъ лицемѣрной морали, травля,—порождающая безуміе и преступленія, травля, гдѣ предсмертный стонъ добитаго замираетъ никѣмъ не понятый, неуслышанный?

Этого не скроешь — всѣ сколько нибудь видныя редакціи Петербурга я обошелъ и вездѣ встрѣтилъ одинъ и тотъ же пріемъ. О, какъ милы въ этихъ редакціяхъ люди съ тѣми посѣтителями,—кто облеченъ въ хорошій костюмъ, кто бросается въ глаза своимъ сытымъ дородствомъ, или изысканностью манеръ той утонченной жизни, на которую никогда не накладывалась проклятая печать истинной нужды!

Безконечно милы, неописуемо милы, и—безконечно, неописуемо жестоки къ тѣмъ, которые безмолвно, однимъ своимъ видомъ напоминаютъ о непріятномъ: о долгѣ человѣка!

Говорятъ, что философія, это удѣлъ избранныхъ.

Это — ложь. Самые маленькіе, самые ограниченные люди — философы. И философіи не маленькой—философіи поставленной во главу угла жизни.

Философія *за человѣка*—это бредни, это внѣ жизни, это только прекрасная абстракція на бумагѣ, а въ жизни — самъ творецъ этой абстракціи забываетъ ея красоту и уподобляется философу другого сорта: *противъ человѣка.*

Въ жизни—исповѣдь звѣринаго принципа, а пожалуй и ниже, ибо не дано міру животныхъ разума человѣка. *)

И, вполнѣ, мнѣ кажется, естественно что, если творцы философіи за человѣка—въ дѣйствительности противъ человѣка—то,

*) Извиняюсь передъ читателемъ за то, что я увлекся не въ свою область—это уже задача зоопсихологіи. Можетъ быть, когда эта наука изучитъ внутренній міръ животныхъ и... вдругъ придетъ къ страшному выводу, что человѣкъ ниже звѣря—простите, читатель, я увлекся мыслью, что, можетъ быть, тогда человѣчество искренно покраснѣетъ и станетъ лучше...

что остается тѣмъ, которые «не въ цѣхѣ» избранныхъ: развѣ они не въ правѣ думать, что имъ-то такъ поступать и самъ Богъ велѣлъ?

И вотъ,—въ какую бы редакцію я не приходилъ—я встрѣчалъ одинъ и тотъ же пріемъ.

Неописуемо милые люди съ другими—эти же люди со мной,—давали мнѣ наглядные уроки искусства моментальныхъ превращеній.

Это—философы. Что имъ мои страданія, мой ужасъ, затравленнаго нуждой и болѣзнью человѣка, что имъ я—маленькій, незамѣтный, погибающій въ огромномъ городѣ, но не существующій съ ихъ точки зрѣнія въ этомъ городѣ, что имъ я, когда передъ мной такіе философы: у всѣхъ моментально дѣлаются такія лица, которымъ не до меня, не до моихъ низменныхъ земныхъ скорбей, они живутъ абстракціей, они ушли въ созерцаніе вѣчныхъ идей, поднялись на такую высоту, гдѣ говорить съ ними о томъ, что ты живое существо, изнемогающее въ борьбѣ за свое право жить—у нихъ такія лица, что говорить имъ объ этомъ—это значитъ сдѣлать не только смѣшной, неумѣстный, непростительный поступокъ, но и оскорбить ихъ пошлостью. И я не говорилъ, не заикался: отъ такихъ философовъ языкъ нѣмѣетъ.

Я не говорилъ, но у меня, вѣдь, имѣются глаза: я видѣлъ, что за этой моментальной маской живетъ такой же человѣкъ, какъ я, что, если бы такого философа втиснуть въ мою шкуру, онъ не постѣснялся бы волкомъ взвыть, что страданіе его—это не лживыя призраки, не фикція, а нѣчто очень реальное и непримиримо-враждебное той проклятой философіи, которая учитъ на муку жизни смотрѣть съ холоднымъ безстрастіемъ.

Я видѣлъ такихъ господъ и уходя отъ нихъ—думалъ:

— Вотъ—Діогены XX вѣка. Вмѣсто бочки они имѣютъ или страстно желаютъ имѣть такіе особняки, передъ чѣмъ бѣдняки должны испытать смущеніе, вмѣсто черепка—севрскій фарфоръ. Вотъ,—Діогены бывшіе, настоящіе, раздавившіе міръ, милліоны паразитовъ—отнявшіе у милліардовъ людей послѣднее: развѣ въ сырые и темные подвалы бѣдняковъ заглядываетъ солнце?! Какъ низка и гнусна должна быть философія такихъ Діогеновъ, когда ее въ силахъ воспринять самые недалекіе, самые ограниченные люди: великое ограниченности не дается!

Въ первыхъ числахъ іюня я остался одинъ: уѣхала сестра. Мужъ ея поселился въ Финляндіи и написалъ ей, чтобы она пріѣзжала къ нему, что онъ теперь одумался—не пьетъ и впредь не будетъ.

Она показала мнѣ это письмо—я спросилъ:

— Ты вѣришь?

Сестра покачала головой.

— Нѣтъ. Сто разъ такія обѣщанія слышала.

А на слѣдующій день—собралась и уѣхала.

Тяжки были послѣднія минуты. Съ потемнѣвшимъ лицомъ она собирала свои убогіе пожитки; движенія рукъ были порывисты, рѣзки, на меня невольно бросила нѣсколько косыхъ взглядовъ. Я крѣпился—нелѣпо было говорить объ этомъ—и все таки не выдержалъ:

— Куда ты ѣдешь? На что?

Она оторвалась отъ сборовъ, взглянула мнѣ прямо въ глаза—и глухо бросила:

— Разъ ѣду—такъ, стало быть, знаю на что.

Помолчала.

— Тутъ работы нѣтъ. У тебя тоже ничего не выходитъ. Къ чему мнѣ здѣсь оставаться? А тамъ, можетъ быть, работа будетъ. Что онъ не броситъ пить—это я знаю. На него не надѣюсь. Только на себя.

Еще помолчала—и съ глубокимъ вздохомъ:

— Будь бы машина—не поѣхала бы. Заказовъ нѣтъ—на рынокъ можно работать. Хоть и дешево, а все не безъ хлѣба. Горе одно: при немъ деньги были—машины нельзя было купить; его нѣтъ—деньги прожиты.

Ахъ, эта машина. Я понурилъ голову. Невыразимо стыдно и тяжко было за себя и «за благодѣтеля въ рясѣ»: вотъ результатъ—мы отняли у бѣдной женщины машину, необходимое средство къ существованію!

Я было заикнулся о томъ, чтобы сестра на меня не сердилась:

— Пойми: вѣдь, меня обманули... Если бы я зналъ, что...

Она, обрывая меня, отмахнулась сурово рукой:

— Понимаю. Не маленькая. И зачѣмъ объ этомъ говорить? Легче отъ этого не будетъ. Вообще...

И не договорила. Слезы безумнаго сожалѣнія дрогнули въ ея голосѣ; поспѣшно она увязала въ узелокъ свои пожитки и протянула мнѣ руку:

— Ну, до свиданія. Если... Богъ дастъ свидѣться. Вмѣстѣ горе мыкать лучше, а ничего не подѣлаешь: приходится порознь. До свиданія!

Я не видѣлъ ея лица, но чувствовалъ тотъ ужасъ, который видѣлъ въ ея глазахъ при воспоминаніи о мужѣ.

И съ тою тупостью, когда острота чувства раздавлена непосильностью переживанія, неуклюже думалъ: «Вотъ ѣдетъ. На муку, на издѣвательство, а ѣдетъ. Вотъ, на что ѣдетъ».

Неслышно выскользнула изъ комнаты сестра и, какъ эхо, донесся изъ корридора ко мнѣ въ комнату ея голосъ:

— Да... совсѣмъ забыла... Тамъ въ столѣ... послѣднія взяла и подѣлила...

Я открылъ ящикъ стола: на виду положены два рубля.

Въ состояніи, когда не вполнѣ отдаешь себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаешь, я взялъ эти деньги, пару рукописей и отправился.

Невыразимо стыдно было за себя и за того—по милости кого это случилось. И во всю дорогу я гнѣвно думалъ: «Погоди, если не издохну, я тебѣ напишу: Первый пастырь на моемъ пути, ты сдѣлалъ меня участникомъ поступка болѣе худшаго, если бы мы сняли съ нищаго суму» *).

Вотъ редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей». Тутъ человѣкъ, которому мнѣ разрѣшено было передать: «Скажите, что это отъ меня». Какъ это легко и какъ малодушно: бросить человѣка, не говоря ему объ этомъ прямо, а давая еще призрачную надежду: «можетъ быть, что нибудь и устроить». Бросить и отправиться въ Старый Іерусалимъ, чтобы провести пасхальную ночь у гроба Господня *). И кто это такъ дѣлаетъ—ярый поклонникъ Толстого, того Толстого, у котораго есть разсказъ о двухъ мужикахъ, отправившихся въ Іерусалимъ тоже ко гробу Господню въ пасхальную ночь. **)

Я пру въ редакцію и осаживаю назадъ, когда мнѣ сторожъ говоритъ: «Сегодня пріема нѣтъ».

«Пріема нѣтъ». Не хорошо, если я обалдѣлъ до того: лѣзу въ ненадлежащіе дни.

Я немного обезкураженъ. Одинъ изъ моихъ разсказовъ А. А. Измайловъ уже читалъ и прислалъ мнѣ такой отвѣтъ:

*) Объ этомъ писали въ газетахъ. Поймите, читатель, съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ это читать, когда этотъ пастырь обрадовалъ меня къ празднику такимъ „краснымъ яичкомъ"!

**) Думаю, что большинству читателей этотъ разсказъ извѣстенъ.—Жизнь, какъ ты иногда зло и жестоко шутишь!..

«Разсказъ мнѣ Вашъ нравится. Въ немъ — чистота чувства, знаніе быта, наблюдательность, отсутствіе манерности. Но помѣстить, къ сожалѣнію, я въ «Б. В.» его все-таки не могу. Для этого онъ великъ. Могъ бы я его устроить въ одинъ журналъ— но и тамъ препятствія: въ разсказѣ есть мѣста не для семейнаго чтенія. Буду радъ, если Вы мнѣ дадите для этого журнала вещь, но при условіяхъ: семейнаго чтенія и внѣшней сюжетности».

Когда я прочиталъ это письмо—на секунду у меня вспыхнуло бодрое, радостное чувство: «это пишетъ критикъ! Лицо, которое на томъ стоитъ, чтобы отличать въ литературѣ шелуху отъ зеренъ».

Вспыхнуло и погасло.

«Внѣшней сюжетности» вамъ! Талантъ, энергія—все изнашивается въ безмолвіи, гибнетъ отъ незнанія: вы дадите мнѣ пустой, страшный для меня, звукъ: «внѣшняя сюжетность»—но не покажете, не научите, какія детали въ этой внѣшней сюжетности цѣнны и, какія—нѣтъ. Для искусства нужна подходящая среда, нужны сносныя условія существованія, нужны чуткіе люди, необходимые для начинающаго, какъ воздухъ, вы-же, вся ваша литература даете мнѣ атмосферу, гдѣ я ощущаю собственную смерть и ядъ вашихъ заживо разлагающихся труповъ»...

Теперь я ему принесъ маленькій разсказъ, «надъ внѣшней сюжетностью» котораго много ломалъ голову. И раньше были «муки слова», но эти муки были другого сорта: неумѣнье выразить словами нужное настроеніе, мысль, образъ; иногда даже и слова находились—являлась боязнь: какъ бы не хватить черезъ край.

Это частность, а въ общемъ—писалъ такъ, какъ Богъ на душу положитъ. И полагалъ, что такъ и надо писать.

Но эта «внѣшняя сюжетность»,—это требованіе отступать отъ того, какъ вещь выльется изъ души, требованіе уже—*пріучаться къ манерности*, раскрашивать содержаніе ловкими литературными оборотами, стилистическими эфектами, фейерверкомъ словъ — это требованіе толкающее на путь эквилибристики мысли возмутило меня до глубины души: дайте намъ маленькую мысль, обрывокъ мысли, жалкій сколокъ чувства и загримируйте поэфектнѣй въ хламиду лживыхъ словъ!

Тѣмъ, что пріема нѣтъ—я былъ немного обезкураженъ: настроеніе было изъ такихъ, когда бы я не побоялся поговорить

«о внѣшней сюжетности», а попутно высказать и то, что и потрясеніе нанесенное мнѣ велико и условія мои такъ тяжки, гдѣ не до игры словъ.

Отправился я дальше. Вотъ редакція «Руси».

Тутъ тоже человѣкъ, которому мнѣ разрѣшено передать: «Скажите, что это отъ меня».

Здѣсь мнѣ удается застать нужное лицо. Но... результаты... около двухъ мѣсяцевъ назадъ я отдалъ два разсказа, навѣщалъ нѣсколько разъ по приглашенію: «Придите черезъ недѣльку. Непремѣнно прочту», а потомъ оказывалось, что все: недосугъ, некогда, своей работы много.

Недосугъ помѣшалъ просмотрѣть мои вещи и на этотъ разъ. Я прошу свои разсказы вернуть, ихъ куда то засунули и долго ищутъ, наконецъ, находятъ и говорятъ:

— Такъ, мелькомъ, я въ ваши вещи заглядывалъ. И вынесъ впечатлѣніе, что вы начинаете не безуспѣшно.

Я сурово гляжу на этого человѣка и тонъ мой невольно рѣзокъ:

— Г. Боцяновскій, этого мнѣ не нужно. Когда я вамъ передавалъ рукописи, я говорилъ, что очень нуждаюсь; вы обѣщались «скоренько просмотрѣть и, если возможно, устроить».

Критикъ обижается:

— Позвольте! У меня не только ваши рукописи,—у меня ихъ груда; наконецъ, своя работа. Странная претензія.

Я ухожу. Къ чему разговаривать: сытый голоднаго не пойметъ!

Куда же еще идти? Развѣ въ «Образованіе».

Не стоитъ ноги бить. Предлагать человѣку моего положенія три мѣсяца на просмотръ рукописи—не стоитъ ноги бить.

Куда же еще? Въ «Новый Путь»?

Предо-мной встаетъ знакомая фигурка.

Мнѣ еще только 18 лѣтъ. Живу на своей родинѣ. Появляется въ этотъ городъ культуррегеръ пролетаріата, апологетъ соціализма. Я—первый рабочій, съ которымъ онъ знакомится, благодаря одной случайности. Онъ пичкаетъ меня книгами. Онъ внушаетъ мнѣ, что рабочій—это стѣна, которая должна остановить шествіе абсолюта. Онъ рисуетъ мнѣ, какое огромное зло—милитаризмъ и говоритъ, что борьба рабочаго съ этимъ зломъ должна быть поставлена на первый планъ: милитаризмъ—истощаетъ страну, платежныя силы населенія, пріостанавливаетъ культурный ростъ, тормозитъ осуществленіе рабочаго законодательства. Наконецъ, я какъ изъ сознательныхъ элементовъ, поэтому на мнѣ лежитъ неукоснительная обязанность помогать ему въ его дѣлѣ.

Я вѣрю, что долженъ помочь и знакомлю его съ рабочими. Какъ политически высланный въ маленькій городъ, гдѣ подобнаго, кажется, ничего не бывало, онъ для маленькаго города — пугало, таинственная фигура.

Но развѣ подкупленная юность чего боится?

Я охотно дѣлаю все, что онъ мнѣ прикажетъ, но когда его дѣятельность развернулась шире—я позволилъ себѣ не согласиться съ его тактикой.

Рабочимъ, которые до этого читали только Еруслана Лазаревича и Бову-Королевича, онъ сразу началъ преподавать Маркса. Безъ разъясненій. Отхватитъ 30-50 страницъ—и уходи. Рабочіе уходятъ съ тупо-недоумѣвающими лицами.

Потомъ тюками начали плавиться прокламаціи въ такую среду, которая не понимаетъ: почему она должна на требованіе жандармеріи отдавать ей эти бумажки.

Такъ и отвѣчали:

— Есть, но не отдамъ. По какому праву я не могу читать?

Я позволилъ себѣ замѣтить такому дѣятелю соціализма, что отъ такой тактики много будетъ безплодныхъ жертвъ, что рабочую массу можно только этимъ отпугнуть, не поставивъ дѣла на прочную почву.

Мнѣ дали понять, что я хоть «и сознательный элементъ», но не настолько, чтобы учить «Главарей».

Я заблагоразсудилъ отъ такихъ главарей отшатнуться.

И вотъ—встрѣча почти черезъ 9 лѣтъ.

Спрашиваю въ «Новомъ Пути» секретаря журнала.

Выходитъ человѣче.

— Я—секретарь. Что угодно?

Глазамъ не вѣрю:

— Позвольте васъ спросить: вы не Алексѣй Михайловичъ Ремизовъ?

— Я. А что?

Всматривается въ меня черезъ очки и, наконецъ, узнаетъ.

— Какими судьбами?

Поясняю и излагаю вкратцѣ суть посѣщенія.

Обѣщается постараться всѣми силами. Захожу черезъ недѣлю. Сунулъ равнодушно мнѣ мою вещь, зѣвнулъ.

— У насъ направленіе не то. Тащите въ «Міръ Божій» или въ «Образованіе»—тамъ возьмутъ.

На «возьмутъ» я надежды не питаю, но отказъ принимаю, какъ должное: что подѣлаешь, когда направленіе не то.

Любезно освѣдомляется:

— Какъ живете?

Чистосердечно разсказалъ. Смѣется человѣче:

— Это плохо.

Взялъ меня этотъ смѣхъ за живое. Смотрю на него: маленькій, черненькій и остренькій, какъ смертный грѣхъ.

Все тотъ же—безъ перемѣнъ. Какой былъ, такимъ и остался. Восемь съ лишнимъ лѣтъ срокъ не маленькій, а для него—на внѣшнюю сторону безъ вліянія. Восемь съ лишнимъ лѣтъ—а пять изъ нихъ пробылъ въ Устъ-Сысольскѣ. Но что такое Устъ-Сысольскъ для такихъ господъ? Перемѣна мѣста, совершонная съ помпой: ѣхалъ въ обыкновенномъ поѣздѣ въ сопровожденіи жандарма, котораго везъ за собственный счетъ! Ѣхалъ съ большимъ багажомъ, съ дорогими ружьями: вотъ, гдѣ поохотиться!

О кускѣ хлѣба въ ссылкѣ нечего думать: мученику за соціальное движеніе пришлютъ изъ дому денегъ сколько угодно.

Еще-бы, такая насильственная вынужденность: жизнь въ глуши, оторванность отъ культурныхъ центровъ!

Я смотрю на него, на то, что восемь съ лишнимъ лѣтъ, а онъ безъ перемѣнъ, и припоминаю многихъ, пострадавшихъ по винѣ этого «главаря»: молодые люди, а посѣдѣли нѣкоторые, сгорбились по старчески за годъ-за два!

Голодъ—не тетка. Ходили жалкіе и униженно предлагали свой трудъ—и ихъ не брали.

Ходили и сожалѣли о тюрьмѣ: тамъ хлѣбомъ кормятъ. Пострадалъ и я: два года девять мѣсяцевъ провелъ на родинѣ безъ права выѣзда, безъ права труда.

Я смотрѣлъ на него и ждалъ—не вспомнитъ-ли онъ о тѣхъ, которые посѣдѣли, сгорбились, исчезли безслѣдно, а нѣкоторые трагически покончили съ собой.

Нѣтъ. Онъ, очевидно, забылъ. Забылъ обманутыхъ, забылъ соціализмъ, проповѣдь котораго когда-то ставилъ цѣлью своей жизни: онъ, должно быть, пришелъ къ убѣжденію, что воспріялъ мученическій вѣнецъ—и съ него довольно! Пусть другіе поработаютъ—а съ него довольно.

Онъ не вспомнилъ. Я прямо въ упоръ посмотрѣлъ ему въ глаза и безъ всякихъ подходовъ спросилъ:

— Займите мнѣ рублей десять. Будутъ—отдамъ; нѣтъ—на томъ свѣтѣ угольками сочтемся.

Онъ набивалъ для меня папиросу — бросилъ, всталъ и протянулъ:

— Вотъ, ужъ не могу. Живу на то, что получаю здѣсь: всего на 40 рублей.

— Неужели только на это? А помните, раньше, *тамъ*, гдѣ мы кашу заварили, вы на урокахъ зарабатывали больше ста рублей—жизнь тамъ въ нѣсколько разъ дешевле, чѣмъ здѣсь, а вамъ еще къ чему-то изъ дому по сто рублей слали?

— Мало, что было. Было, да сплыло.

Я чувствовалъ, что маленькій, черненькій, и остренькій, какъ смертный грѣхъ, этотъ человѣчекъ лжетъ и, порывало меня на грубое, однажды видѣнное.

Въ городскомъ саду рабочій подошелъ къ прилично одѣтому господину и ни слова не говоря заклеилъ ему звонкую пощечину

Господинъ вскочилъ:

— Это за что?

Рабочій ухмыльнулся и развернулся вторично:

— Ты еще спрашиваешь? Такъ получи еще!

Господинъ съ ногъ долой, а рабочій пошелъ и на ходу объяснилъ:

— А это за подлость. Припомни-ка, и подумай.

Порывало, но я сдержался. Всталъ, простился молчаливымъ кивкомъ головы.

И стоя у редакціи «Руси» и спрашивая себя—не идти-ли мнѣ въ «Новый Путь»—я пришелъ къ заключенію, что сегодня мнѣ въ «Новомъ Пути» лучше не бывать: настроеніе изъ такихъ, когда при видѣ господъ Ремизовыхъ *) нельзя ручаться за себя.

Куда же еще? Въ «Міръ Божій»? Тамъ тоже сданъ на просмотръ разсказъ—вмѣсто обѣщанныхъ трехъ недѣль, тянутъ уже полтора мѣсяца.

Въ «Міръ Божій»—но тамъ сегодня не пріемный день.

Куда же еще? Да и стоитъ-ли? Если человѣкъ всюду въ такомъ пренебреженіи—не значитъ-ли это, что есть только литературный рынокъ, ремесленники слова, а такъ высокопарно называемаго

---

*) Такимъ все легко дается, ибо они на все легко смотрятъ. Теперь онъ уже писатель съ именемъ: кривляющійся, ломающійся, пишущій по сезону: въ модѣ проблемы пола—онъ пишетъ «о скотоложцахъ». Писатель съ именемъ, не стѣсняющійся списывать у другихъ и выдавать за свое: недавно было въ «Утрѣ Россіи» письмо профессора Хананова, уличающее Ремизова въ такомъ поступкѣ.

«Богоданнаго искусства» нѣтъ. Зарыты таланты въ землю—святое назначеніе таланта поругано, раздавлено, осквернено.

Я долго стою у редакціи «Руси» и, наконецъ, рѣшаю ѣхать домой.

Дома меня ждало горькое: съ самой Пасхи все время были полуголодные дни, дни свирѣпой экономіи, но полныхъ голодовокъ не было.

Пришло и это.

Хозяйка, наконецъ-то, поняла, что жилецъ безнадеженъ и взбѣленилась: или плати деньги, или уходи.

Отдалъ ей полтора рубля, а на остальные обманулъ: дня черезъ три-четыре непремѣнно отдамъ!

Черезъ два дня въ «Мірѣ Божьемъ» пріемный день.

Въ этотъ злосчастный день я ничего не вкушалъ — только предвкушалъ,—предстоитъ еще пробыть на пищѣ св. Антонія по меньшей мѣрѣ два дня.

О, эти два дня и серебрянный двугривенный! Лучше бы онъ исчезъ и явился, когда нужно. Неустанно прикована къ нему мысль: есть керосинъ, есть немного чаю—если купить хлѣба и съ чайкомъ,—это будетъ совсѣмъ недурно!

Но... черезъ два дня въ «Мірѣ Божьемъ» пріемный день! Потрать я изъ двугривеннаго нѣсколько копѣекъ—я отъ «Міра Божьяго буду отрѣзанъ, какъ на необитаемомъ островѣ отъ материка.

Проклятый ревматизмъ!

Я хитеръ: чтобы сохранить побольше силы—я до минимума стараюсь сократить движеніе и лежу дни и ночи этихъ двухъ дней пластомъ на постели.

Къ концу второго дня—соблазнъ двугривеннаго исчезъ: уже твердо, безповоротно я рѣшилъ его не трогать, но... явился новый соблазнъ. Нѣсколько разъ я поднимался съ постели и подходилъ къ окну: брандмауеръ старъ, мѣстами его кирпичъ сильно размякъ, обсыпается и мнѣ кажется, что если этотъ мягкій кирпичъ пожевать—въ немъ долженъ быть какой нибудь вкусъ и элементъ, утоляющій голодъ.

Мнѣ кажется, но вотъ бѣда: брандмауеръ изъ моего окна недосягаемъ.

Ночью этого дня былъ уже не сонъ, а какое-то безсильно-тревожное забытье, кошмаръ желудка, требующаго хлѣба: безконечная ночь—и сознаніе есть, что лучше оборвать это состояніе и бодрствовать,—да силъ на это нѣтъ.

Кончился искусъ. Я ѣду и удивляюсь: есть большая слабость, ощутимая легкость тѣла, но въ общемъ—самочувствіе удовлетворительное.

Вотъ и редакція «Міра Божьяго». Но я страшно запоздалъ. Мнѣ указываютъ на часы: пять часовъ, пріемъ конченъ.

Я извиняюсь за опозданіе и говорю, что очень далеко живу, боленъ и мнѣ трудно будетъ побывать въ слѣдующій пріемный день.

Конторщицы спѣшно дописываютъ и щелкаютъ костяшками счетъ. За круглымъ столомъ вдохновители журнала пьютъ чай. Ихъ четверо. Вотъ сѣдовласый старецъ, которому я сдалъ свою рукопись.

— Какъ называется ваша вещь?—спрашиваетъ онъ.

Я называю.

— А когда вы ее сдали?

— Полтора мѣсяца назадъ.

— Не помню такой.

Одинъ изъ четверыхъ всталъ изъ за стола, пошелъ въ кабинетъ, дверь отворена—мнѣ видно—порылся въ столѣ, нашелъ и, возвращаясь, молча подаетъ мнѣ рукопись.

Я смотрю на него, но запомнить хорошо его лица не могъ: у меня помутились глаза.

Кажется, предо мной былъ прославленный г. Купринъ.

— Позвольте,—говорю я:—Что же вы молча?

— А что жъ вамъ сказать!

— Но вѣдь, разсказъ на просмотрѣ былъ?

— А я, право, этого не знаю.

— Зачѣмъ же вы его возвращаете?

— А затѣмъ, чтобы онъ зря не лежалъ,—и писатель на меня взглянулъ—съ ногъ до головы. Какъ онъ на меня взглянулъ: на мою синюю рубашку, на мою стоптанную обувь, на весь мой жалкій, истерзанный жизнью видъ! *)

---

*) Около пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а страхъ отъ такого взгляда живетъ во мнѣ и понынѣ. Когда я несу въ редакцію вещь и учитываю насколько мой внѣшній видъ бѣденъ—я убѣжденъ, что стѣсняться со мной не будутъ, вещи моей не возьмутъ. Думающіе писать, обивающіе пороги редакцій—изо всѣхъ силъ одѣвайтесь по послѣдней модѣ, ибо это спасетъ васъ отъ многихъ терній. Хоро-

Я, ошеломленный окончательно, замолкъ.

Онъ тоже немного помолчалъ, а потомъ:

— Вотъ что, молодой человѣкъ. Какъ, видно, вы хотите чтобы редакція вашъ разсказъ просмотрѣла. Просмотрѣть можно. Отчего же. Но это будетъ безполезно: матеріалу въ портфелѣ редакціи отъ сотрудниковъ съ именами завалъ.

Я молчалъ.

Онъ сказалъ еще:

— Поняли?

Онъ вообразилъ, что я не понялъ!

Я взялъ свою рукопись и пошелъ: гдѣ-же, гдѣ въ такихъ мѣстахъ встрѣтить хоть простую честность, хоть малѣйшую жалость къ человѣку?! При такомъ дѣлѣ—и развилось, обострилось что то такое страшное, противуестественное?!.

Я шелъ машинально, безъ цѣли, куда попало, съ низко опущенной головой и, когда поднялъ ее,—предо мной былъ Невскій проспектъ.

«Міръ Божій» (какова иронія?!) угостилъ меня такъ, что я не чувствовалъ ни голода, ни слабости, мысль встряхнули до остроты.

Я прижался къ стѣнѣ одного дома и стоялъ.

Городъ. Городъ! Вотъ, твоя улица: обаятельная, какъ волшебное марево—проклятое марево, гдѣ гибнетъ человѣкъ, его лицо.

Всмотритесь въ толпу города—въ ту толпу, которая въ опредѣленный часъ спѣшитъ въ наиболѣе жадную пасть его.

Каждый хочетъ походить на всѣхъ костюмомъ, манерами и лицомъ.

Какой этотъ ужасъ для того, кто подмѣчаетъ, чувствуетъ, что нѣтъ ни одного лица похожаго на другое, что каждое лицо—это опредѣленная форма, которая, точнаго повторенія, никогда, не найдетъ себѣ во всемъ мірѣ.

Одна мало-замѣтная черточка, одна трудно уловимая линія—но уже разница, разница говорящая о своей, о строго-особой психо-физической организаціи.

шій костюмъ, заграничная обувь, модный галстухъ ни на одну іоту не прибавятъ цѣннаго къ написанному вами, но они вселятъ къ вамъ уваженіе, нужное приличіе, они поднимутъ ваши фонды. Какъ это ни дико—но это такъ: всѣ редакціи нашего многоумнаго времени полагаютъ, что хорошіе вещи могутъ писать только имѣющіе возможность имѣть модно-внѣшній видъ; не имѣющіе такого вида—по мнѣнію редакцій не имѣютъ данныхъ и писать. Съ этимъ не согласится ни одна редакція—ибо это дико, но это такъ: дошло до того, что бѣдность и въ храмахъ слова въ полномъ загонѣ! Одѣвайтесь и обувайтесь по модѣ изо всѣхъ силъ: въ противномъ случаѣ васъ скоро добьютъ. Никогда не забывайте, что наше время—время эстетовъ!

А они изо всѣхъ силъ лѣзутъ каждый походить на всѣхъ!

Красивая, стройная, элегантная цѣпь—кого тутъ нѣтъ?—Лучшій цвѣтъ общества и поддонки его—и жалкое, одурманенное человѣческое стадо, стадо загнанное въ красивую, пеструю, чинную суматоху, стадо безнадежно зараженное духомъ обогащенія во что бы то ни стало, духомъ зависти, неуваженія къ чужому.

Городъ растлилъ совѣсть человѣка—ту святую цѣнность души, которая на каждый нашъ поступокъ, на помыселъ моментально реагируетъ указаніемъ: къ разряду зла или добра, къ разряду разума или безумія можетъ быть отнесенъ помыселъ или поступокъ.

Городъ растлилъ эту святыню—и вотъ человѣкъ звѣрь, человѣкъ-слѣпецъ, незамѣчающій, что онъ блуждаетъ надъ пропастью, срывается и летитъ туда: о, какая эта насмѣшливая, жестокая, лживая, равнодушная ко всему, кромѣ своего я, толпа Невскаго!

Она течетъ, сгущается и лжетъ, лжетъ и лжетъ.

Вотъ блестятъ похотью глаза, тихо звучатъ слова соблазна, слова торга—сегодня будетъ, какъ и всегда, много купли и продажи тѣла, сегодня будетъ, какъ и всегда, много обманутыхъ!

Вотъ идетъ буржуа и говоритъ громко дѣльцу такой же масти:

— Жизнь, говорите, тяжела. А съ чего бы ей быть легче? Реформы, батенька, нужны, въ широкомъ смыслѣ реформы общественно-политическія! А гдѣ онѣ?

Я улыбаюсь: «Да, да, реформы нужны, но къ реформамъ нужны и заповѣди: безъ нихъ твой неутолимый апетитъ при какихъ угодно реформахъ сумѣетъ выжимать изъ трудящагося кровь и потъ»!

Вотъ, какой-то юркій «обхаживатель» внушаетъ молоденькой дамочкѣ—и даже глаза подъ лобъ закатилъ:

— «Жить—руководясь нравственной истиной»... Однако сказали! Что такое нравственная истина—мы этого точно не знаемъ.

Я улыбаюсь: «Лжешь, негодяй. Имѣй совѣсть,—а остальное приложится».

Вотъ идетъ студентъ. Юный совсѣмъ, съ чуть пробивающимися усиками, съ дѣвическимъ румянцемъ,—изо всей этой чинной, ведущей себя по извѣстной выдержкѣ, толпы, онъ одинъ не считается съ общимъ тономъ,— звенящимъ голосомъ, сильно жестикулируя, пожилой дамѣ возражаетъ:

— Что вы? Помилуйте! Немыслимо. Деспотизмъ правительства задавитъ всѣ благія начинанія. Общество совершенно передъ нимъ безпомощно...

Милый юноша! Будь въ Россіи тысяча людей, людей дѣла, уважающихъ въ себѣ личность, людей, у которыхъ высота сознанія не была бы въ такомъ позорномъ разладѣ съ дѣломъ—деспотизмъ передъ авторитетомъ такой тысячи дрогнулъ бы. Испанская инквизиція сожгла и замучила десятки тысячъ людей, но посягнуть одновременно на тысячу лучшихъ людей страны сразу—она не осмѣлилась бы.

«Общество безпомощно».

Милый юноша! Разбросанность, отсутствіе цѣльности, вѣчная раздвоенность—обречено на безсиліе, на дряхлый маразмъ психики: противное явленіе, анти-человѣческое явленіе то, что слыветъ подъ именемъ современнаго культурнаго человѣка. Отсюда — общество безпомощно!

Милый юноша! Нѣтъ въ наше время учителей, которые бы возвышались надъ жизнью, были бы факелами правды и стоицизма. «Пророки» нашего времени *безлюбовны*—изжили себя! «Пророки» нашего времени пошлы: они надменно смотрятъ на толпу съ какихъ-то воображаемыхъ ими высотъ—и канканируютъ передъ толпой, пресмыкаются подъ ея низменные вкусы, дабы заполучить отъ толпы лавры. Они воображаютъ, что они что то дѣлаютъ, чему-то служатъ—но они изжили себя: пассивные паразиты! Утонченные эстеты въ области своихъ переживаній, чувствованій, часто-умные люди въ сферѣ мысли—но безконечно далекіе отъ человѣка въ собственномъ смыслѣ и отъ общечеловѣка—эти эстеты свиньи въ жизни. Имъ отъ роли пророковъ нужно отречься, но лишенные огня совѣсти — они не отрекутся. Милый юноша, можетъ быть, грядутъ пророки безъ кавычекъ — тѣ, что будутъ дышать болѣе чистымъ воздухомъ, въ жилахъ которыхъ будетъ течь болѣе здоровая и честная кровь,—но ихъ не видно, они въ дали, которую мы не увидимъ!

Милый юноша, мы зачахнемъ въ сѣренькой, въ скверненькой жизни, мы не увидимъ подъемовъ, мы не полюбуемся величіемъ человѣка, мы дѣти безлюбовнаго вѣка—и будущія поколѣнія насъ не помянутъ добромъ: кромѣ своей дикой тоски и безвѣрія, кромѣ своихъ паденій и раздвоенности,—кромѣ своего позора и безславія намъ имъ нечего завѣщать!

Начинало темнѣть, когда я добирался до дому. Я не старался думать, какъ вывернуться изъ безвыходнаго положенія: когда такъ чувствуется общая гибель — вкусъ къ жизни утрачивается.

Только слѣзаю съ конки—на встрѣчу Полина Семеновна.

— Однако, хватили! Гдѣ это вы?

Очевидно, я очень не твердо держался на ногахъ.

— Хватилъ. Хватилъ,—отвѣтилъ я съ улыбкой.

Она взглянула мнѣ въ лицо и сразу перемѣнила тонъ:

— Стыдно. Я обѣдаю въ три часа. Слѣдовало бы васъ хорошенько пробрать, да некогда: спѣшу.

Я смотрѣлъ ей вслѣдъ и думалъ:

— Стоитъ жить.

Пришелъ домой. Встрѣтила Катя.

— Думала не дождусь. Хотѣла уходить. Не ладишь съ хозяйкой то? а?

Я понялъ.

— Да, взбѣленилась.

— Вотъ что. Есть у меня вещишки. Ненужныя совсѣмъ. Въ ломбардъ ихъ—и помирить тебя съ хозяйкой... Идетъ?

— Дай подумать.

— Нечего думать. До свиданья, сэръ. Ждите меня завтра, какъ снѣгъ на голову!

Она выскользаетъ изъ комнаты въ корридоръ—я смотрю ей вслѣдъ.

— Стоитъ жить.

Исчезаетъ. Возвращаюсь и замѣчаю на столѣ кулекъ: хлѣбъ, колбаса, яйца.

— И объ этомъ не забыла!

Я подкрѣпляюсь, ложусь и сплю, какъ убитый.

Въ девять утра разбудила хозяйка—третій сюрпризъ: переводъ на 20 рублей.

Я жадно-жадно смотрю на безконечно дорогія строки; вся она — неугомонный порывъ, вѣчное кипѣніе, напряженно-трепещущій комокъ нервъ—и откуда этотъ поразительный по твердости не женскій почеркъ?

Однажды уже эта дѣвушка въ періодъ страшнаго душевнаго перелома внушила мнѣ, что отрицаніе жизни—безсиліе, что побѣда человѣка не въ самоуничтоженіи, а въ самоутвержденіи; она подняла меня разъ,—я падаю—она поднимаетъ опять.

Я достаю пачку ея писемъ, перечитываю десятки разъ прочитанное—она моя безповоротно, отдалась мнѣ въ этихъ письмахъ,—но она страшное, грозно-великое счастье. Она ничего отъ меня, кромѣ меня, не требуетъ. Стоитъ мнѣ написать одно слово: «Пріѣзжай»—она съ мужествомъ юности пріѣдетъ на нищету, на униженія—не потому, что не знаетъ нищеты и униженія, а потому, что вѣритъ: «Мы все преодолѣемъ. Мы выплывемъ»!

Я опять берусь за переводъ.

> «Послѣ частыхъ и восторженныхъ писемъ—ты началъ отдѣлываться открытками, а потомъ и совсѣмъ молчишь. Знаю тебя: значитъ, у тебя неблагополучно! Отъ кого иного, но замыкаться отъ меня—здорово за это выдеру за уши. Эти деньги мнѣ совсѣмъ не нужны. Имѣю много хорошихъ уроковъ. Глубоко оскорбишь меня, если эти деньги вернешь».

Эти деньги ей «совсѣмъ не нужны»! Знаю я эти хорошіе уроки: грошевые.

Да, надо жить! Надо преодолѣть, или погибнуть такъ, когда не оскорбляется мужество...

Я долго смотрю въ окно: «Эхъ, взглянуть бы теперь на всю ширь жизни и помечтать, какъ бы величаво размахнулись *настоящіе люди* на эту гнусненькую дѣйствительность»!

Но мѣшаетъ брандмауеръ, на который я, впрочемъ, не сержусь.

— Милый брандмауеръ, ты можешь быть пока спокоенъ за себя: меня отъ апетита на тебя избавили!

Вновь я пошелъ «на штурмъ». Для того, кто не отвлеченно, а на себѣ почувствовалъ черствость нашего времени—это не будетъ звучать странно.

На этотъ разъ мнѣ посчастливилось. Отправился я къ предсѣдателю литературнаго фонда П. И. Вейнбергу. Онъ меня поразилъ. Явился я къ нему съ просьбой: не устроитъ-ли онъ меня на какое нибудь маленькое дѣло.

Онъ выслушалъ и развелъ руками:

— Трудно. Буду имѣть въ виду—и несомнѣнно, что нибудь въ этомъ отношеніи сдѣлаю, но сразу трудно.

Я поблагодарилъ и хотѣлъ было уходить.

— Куда же вы бѣжите? Вотъ она молодость-то! Двигайтесь за мной.

Онъ провелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ и пристально посмотрѣлъ на меня. А я жадно смотрѣлъ на него: какъ рѣдко можно встрѣтить въ наше время такіе глаза не только у пожилыхъ людей, но и у молодежи!

Но тутъ не молодежь, тутъ сѣдой старикъ, въ глазахъ котораго свѣтится огромный опытъ, тотъ опытъ, который видитъ, какъ велика бездна мукъ на землѣ, тотъ опытъ, который многихъ расхолаживаетъ къ несчастью другихъ, заставляетъ ихъ черствѣть, опускать руки, ибо имъ кажется, что бездна мукъ неустранима, что помогая одному, они въ сущности ничего не измѣняютъ, *)—предо мной былъ чудный старикъ: наивная, мало прозрѣвающая жизнь, экзальтація юности у этого старика давно отпала, а золото юности сохранено и блеститъ такъ, какъ дай Богъ каждому изъ насъ!

Живыми, пламенно-отзывчивыми глазами онъ смотрѣлъ на меня и, съ улыбкой спрашивалъ:

— Голодаете?

— Бываетъ.

— Вижу. Здоровье скверное?

— Этимъ тоже не могу похвалиться.

— Что у васъ?

— Хроническій ревматизмъ.

— Плохо. Мучительная, коварная болѣзнь. «Кругомъ шестнадцать» у васъ, а бѣжите? Такъ не слѣдуетъ.

Я сказалъ:

— Время такое: людей боишься. Вездѣ только бьютъ и озлобляютъ. Если вамъ разсказать, чѣмъ угощаютъ въ редакціяхъ...

— Да, да, знаю. Наше время—плохое время. Вы столько этой горечи не знаете, сколько я знаю. На этомъ стою. Не легкій постъ! Но вотъ что: вы гдѣ печатались?

— Нѣтъ.

— Плохо. Хотѣлось бы вамъ помочь, но если вы ни разу не печатались—помочь вамъ трудно.

Подумалъ.

---

*) Я говорю о категоріи людей нашего времени—людей «великихъ дѣлъ» людей брезгающихъ малыми дѣлами, людей—не уясняющихъ себѣ или не желающихъ уяснять, что великое въ маломъ, а малое въ великомъ, а поэтому творящихъ только разложеніе.

— Въ «Живописномъ Обозрѣніи» у Потапенко вы не бывали?

— Нѣтъ.

— Сходите къ нему. Не говорите, что я направилъ. Онъ... *помягче нынѣшнихъ*... *) И если онъ возьметъ у васъ ваше произведеніе, хоть маленькое,—попросите у редакціи удостовѣреніе въ томъ, что такая-то ваша вещь принята для напечатанія, и, являйтесь съ этимъ удостовѣреніемъ ко мнѣ. Для полученія пособій и ссудъ изъ фонда нуженъ цензъ—у васъ его нѣтъ. Приходится изворачиваться: на основаніи удостовѣренія я могу устроить вамъ пособіе рублей въ 75. Ну съ Богомъ!

Отъ Вейнберга я пошелъ въ «Живописное Обозрѣніе». Потапенко встрѣтилъ меня взглядомъ изъ подлобья, лицо его мнѣ показалось тоже довольно суровымъ. Подалъ я ему два маленькихъ разсказа—онъ мелькомъ взглянулъ на нихъ и заявилъ:

— Зайдите недѣльки черезъ двѣ.

Не забывая словъ Вейнберга, что Потапенко «помягче нынѣшнихъ»—я дерзнулъ попросить:

— Нельзя-ли поскорѣе?

Вновь взглядъ изъ подлобья—и мягко высказанное согласіе:

— Хорошо. Зайдите завтра.

Явился я къ Потапенко на другой день. Тотъ же взглядъ изъ подлобья, хмурое лицо—но человѣкъ красится не взглядами и лицомъ. Коротко мнѣ заявилъ:

— Вотъ этотъ разсказъ новъ, оригиналенъ—я его возьму; недѣльки черезъ двѣ его напечатаемъ. Если у васъ есть еще матеріалъ—приносите.

О пріемѣ разсказа я не смѣлъ мечтать и растерялся отъ радости до того, что не могъ ничего сказать.

А онъ помолчалъ и еще:

— Я распорядился, чтобы вамъ дали небольшой авансъ. Рублей 15 будетъ довольно?

Я молча пожалъ ему руку.

— Идите къ кассѣ и получите.

Иду къ кассѣ. Кассирша порылась въ ящикѣ стола, потомъ встала и пошла въ кабинетъ. Я слышалъ, какъ она тихо сказала:

— Игнатій Николаевичъ, въ кассѣ денегъ почти нѣтъ. Если выдадимъ этотъ авансъ—выдадимъ послѣднія деньги.

*) На словахъ курсивомъ Вейнбергъ сдѣлалъ удареніе.

Тихо отвѣтилъ Потапенко:

— Не «если», а обязательно надо выдать. Этому начинающему, вѣроятно, приходится очень туго. Выдайте ему.

Я получилъ авансъ и, выйдя изъ редакціи, побрелъ, куда ноги ведутъ. Неожиданная удача волновала не менѣе сильныхъ огорченій. Останавливался передъ кіосками и упивался мысью, что въ скоромъ времени эти кіоски будутъ торговать нумеромъ «Живописнаго Обозрѣнія» съ моимъ разсказомъ. Потомъ припомнилъ «объ удостовѣреніи» и рѣшилъ, что за нимъ побываю завтра.

Но побывать у Потапенко и Вейнберга—мнѣ больше не пришлось. *) На другой день я прочиталъ въ газетѣ «интервью—съ Горькимъ»—и помчался къ нему.

Жилъ онъ въ это время въ Финляндіи—въ Куоккала.

Доѣзжаю до этой станціи и спрашиваю чухонца-извозчика:

— Знаешь, гдѣ Максимъ Горькій живетъ?

— Горки... Горки...—повторяетъ чухонецъ и, качаетъ съ упрекомъ головой: какъ онъ можетъ не знать, гдѣ живетъ «Горки»?—объ этомъ, молъ, даже стыдно и глупо спрашивать!

Я сажусь въ его одномѣстный тарантасъ и ѣду.

Вотъ и дача Горькаго. Изъ всѣхъ дачъ, что встрѣтились на пути—самая лучшая.

Съ замирающимъ сердцемъ я расплачиваюсь съ извозчикомъ и иду къ дачѣ. Изъ за угла дачи вывертывается прислуга, знакомъ прошу ее остановиться, потомъ подхожу къ ней и прошу доложить.

Она уходитъ и, возвращаясь, проситъ обождать. Я сажусь подъ тѣнь деревьевъ на скамью. Тишина, сухой воздухъ, вѣковыя деревья, за стволами которыхъ не видно границъ этой дачи—все здѣсь располагало къ глубокому раздумью.

— Да, при такой обстановкѣ хорошо творить,—подумалъ я и почувствовалъ невыносимую боль оттого, что, а я вотъ скитаюсь, дрожу за потерю угла, гдѣ за стѣнами не считаются съ тѣмъ, что тебѣ нужна тишина, гдѣ передъ единственнымъ окномъ торчитъ брандмауеръ.

*) Этихъ писателей я больше не видѣлъ. Видѣлъ много иныхъ—изъ тѣхъ, которые дали мнѣ понять, что такіе, какъ Вейнбергъ и Потапенко—это уже послѣдніе изъ могиканъ. Разсказа своего мнѣ не пришлось читать въ «Живописномъ Обозрѣніи», ибо оно пріостановилось за недостаткомъ средствъ и, все таки человѣкъ, при видѣ нуждающагося не могъ не отдать приказанія выдать изъ кассы послѣднія деньги! Это уже—послѣдніе изъ могиканъ!

Замиранiе сердца у меня исчезло. Холодно и спокойно я ждалъ человѣка, котораго такъ долго мнѣ не удавалось уловить.

Потомъ впалъ въ то тяжкое раздумье, когда высота любой трагедiи, даже и личной, не ужасаетъ, когда чувствуешь только одно, что ты страшно усталъ, что тебѣ нуженъ отдыхъ.

И жадно я дышалъ этимъ сухимъ воздухомъ, жадно смотрѣлъ на вѣковыя деревья, жадно вслушивался въ тишину: еще можетъ быть, пять или десять минутъ и я уйду изъ этого чуднаго уголка, чтобы его никогда не увидѣть.

Въ забытье отдыха, боли, тоски впалъ я—и не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ Горькiй.

Я очнулся отъ его грубаго баса:

— Что угодно?

Поднимаю голову—и растерялся. Здоровый дѣтина въ бѣлой фуражкѣ, въ голубой рубахѣ, въ сапогахъ, съ полнымъ лицомъ, подернутымъ розовымъ загаромъ; смотрю на это лицо—такое далекое отъ того, какимъ оно изображалось на открыткахъ—безъ морщинъ, нѣтъ на немъ той осунутости, того глубокомысленнаго, мучительнаго въ своей напряженности, выраженiя,—смотрю на это полное, здоровое лицо и думаю: «А въ газетахъ писали, что здоровье его плохое. Такъ отлично выглядитъ».

Припоминаю одного столяра: если поставить ихъ рядомъ—долго обоихъ нужно знать, хорошенько вглядѣться, чтобы не смѣшать.

Я растерялся—и, хотя чувствовалъ, что предо мной подлинный Горькiй, что вопросъ мой нелѣпъ, и все таки спросилъ:

— Вы, Алексѣй Максимовичъ?

— Я. Что угодно?

Вынимаю изъ кармана свои рукописи и заявляю:

— Прiѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы искать у васъ поддержки.

Онъ знакомъ руки повелъ меня за собою. Усѣлись мы на террасѣ. Посмотрѣлъ Горькiй на мои писанiя—мелькомъ въ начало, мелькомъ въ конецъ—и медленно пробасилъ:

— Писать вы можете.

Я смотрѣлъ на него: вотъ человѣкъ, въ котораго я питалъ такую большую вѣру, человѣкъ—моя первая и послѣдняя надежда.

Онъ помолчалъ, а потомъ:

— Разскажите мнѣ о себѣ подробно, какъ жили, почему надумали заняться писательствомъ?

Мнѣ этотъ вопросъ не понравился,—онъ звучалъ грубо, тономъ допроса, жесткимъ сознанiемъ, что съ загнаннаго жизнью

можно требовать и такой исповѣди, которая ему тяжела и непрiятна: врешь, хочешь-не хочешь, а скажешь,—а я послушаю!

Напомнилъ мнѣ этотъ вопросъ и Петрова: тоже требовалъ подробностей—а что сдѣлалъ?

Я началъ говорить о себѣ *подробно*—холодно, спокойно, думая въ это же время: «Ну, что же, лѣзь и ты, лѣзь въ самую глубину души, а что дашь взамѣнъ—посмотримъ!

Потомъ вспыхнулъ было горячiй порывъ оборвать эту вынужденную исповѣдь,—сказать Горькому о томъ, что когда то онъ для меня былъ благоухающимъ цвѣткомъ души, нетлѣннымъ цвѣткомъ, но время, но мытарства, пережитые, пока я его уловилъ, отравили этотъ цвѣтокъ, заставили его поблекнуть; сказать, что когда-то я шелъ къ нему, какъ къ духовнику, облеченному въ ризу писателя, когда несъ свою исповѣдь самъ—сказать и попросить: верните мнѣ, если можно, то, что было, не дайте горечи сознанiю моему, что всѣ наши прекрасныя надежды—только самообманы, злобный хохотъ настоящаго надъ былыми заблужденiями!

Вспыхнулъ этотъ порывъ и погасъ: большими, тяжелыми, буквально звѣриными глазами такого крупнаго звѣря, который чувствуетъ свою мощь и презираетъ находящагося передъ нимъ маленькаго звѣрька за его безсилiе—такими глазами смотрѣлъ на меня Горькiй.

Но, вѣдь, безъ этого человѣка—гибель, онъ—послѣдняя надежда! Я продолжалъ *подробности* о себѣ,—Горькiй слушалъ, а затѣмъ — выкинулъ нѣчто еще почище звѣриныхъ глазъ:

— Не могу вамъ ничѣмъ помочь.

Я оборвалъ исповѣдь о себѣ—онъ попросилъ:

— Нѣтъ, вы еще о себѣ поразскажите.

Я разсказываю *еще*—съ мукой въ душѣ, со взрывомъ негодованiя, но искренно, одну только правду, не сгущая, и не прикрашивая ея.

Онъ вновь повторилъ:

— Не могу вамъ ничѣмъ помочь.

Еще разъ я имѣлъ силы съѣсть молча такое блюдо, а когда онъ мнѣ преподнесъ его въ третiй разъ—я оборвалъ рѣзко *подробности*, рѣзко всталъ и рѣзко бросилъ:

— Прощайте!

Всталъ и онъ:

— Постойте. Развѣ уже ничего еще не скажете?

— Къ чему говорить, когда вы заявляете, что ничѣмъ помочь не можете? У васъ «Знанiе», вы имѣете въ литера-

турѣ такой вѣсъ—и не вѣрю я, что вы безсильны помочь. Прощайте!

— Постойте. Къ какому времени вамъ просмотрѣть ваши вещи?

Я помолчалъ: былъ пораженъ перемѣной лица Горькаго,—онъ смотрѣлъ на меня съ тихой улыбкой участія. *)

Потомъ отвѣтилъ:

— А это сообразуйтесь со своимъ временемъ.

— Хорошо. Я вамъ дамъ отвѣтъ черезъ недѣлю.

Я повторилъ ему то, что говорилъ Петрову:

— Если найдете у меня дарованіе—поддержите меня до конца; не найдете—мнѣ ничего отъ васъ не надо.

Онъ помолчалъ, пристально вглядываясь въ меня, потомъ взялъ мою руку, и, разсматривая обезображенныя суставы, говорилъ:

— Однако у васъ и ревматизмъ. Васъ надо лечить.

Я ничего не сказалъ. Онъ спросилъ:

— Денегъ вамъ надо?

— Если можно—рублей десять дайте.

Ушелъ и вернулся, протягивая мнѣ вдвое больше.

Я подалъ ему руку—одновременно прощаясь съ нимъ и благодаря его. Осторожно, мягко держалъ онъ мою руку въ своей и тихо вымолвилъ:

— Вы простите, что я не жму вамъ руки. Боюсь причинить вамъ боль.

Это было сказано такъ—до глубины души этотъ человѣкъ сумѣлъ меня взбѣсить и до глубины души сумѣлъ тронуть.

У меня кружилась голова. Я боялся расплакаться и поспѣшилъ отъ него уйдти.

---

*) Позже, когда этого писателя имѣлъ возможность наблюдать лично, когда вчитался въ его произведенія—я понялъ, что «звѣриные глаза» и заявленія о невозможности помочь—это своеобразное испытаніе „на личность“ въ духѣ Горькаго. Тотъ человѣкъ, который задавленъ жизнью до того, когда утрачивается гордость, когда въ попыткахъ ухватиться за жизнь переносятъ грубыя униженія, унижаются сами—такой человѣкъ, хотя бы онъ и былъ достоинъ поддержки, могъ бы еще подняться, участія въ Горькомъ не встрѣтилъ бы. Горькій слишкомъ субъективно смотритъ на людей. А отсюда очень часто вытекаютъ несправедливость и жестокость. Призма только моего Я—слишкомъ узкая призма.

Прошла недѣля. Я получилъ отъ Горькаго свои разсказы, и на поляхъ одного изъ нихъ было написано: «Изъ вашихъ разсказовъ я вынесъ впечатлѣніе, что вы будете писать, какъ пишутъ многіе, но ради этого поддерживать васъ не стоитъ».

Я учелъ всю жестокость этихъ немногихъ словъ, но они не возмутили меня: жить только для того, чтобы имѣть возможность поддерживать свое прозябаніе—этого я не хотѣлъ. Хотѣлось оправдать свое существованіе, чѣмъ нибудь значительнымъ, но если назначительное по словамъ авторитета у меня не оказалось данныхъ, — жизнь утрачивала для меня смыслъ.

Но, къ концу недѣли я послалъ Горькому разсказъ «Въ заводѣ». Было предчувствіе, что этотъ разсказъ болѣе содержателенъ, чѣмъ тѣ, которые я ему далъ лично и хотѣлось выждать отвѣта по поводу этого разсказа: выждать и, если и на этотъ разъ мнѣніе будетъ отрицательное, тогда...

Отвѣтъ получился послѣ «приписки на поляхъ» черезъ два дня—уже заказнымъ письмомъ.

Какъ не велика была моя рѣшимость ликвидировать счеты съ жизнью, но вѣдь, жизнь, какъ говорятъ, «не фунтъ изюму,»—ко дню полученія этого письма я разнервничался до того: болѣли зубы, ходилъ къ двумъ зубнымъ врачамъ и ни одинъ не могъ помочь. Два попорченныхъ зуба вырвали, а остальные здоровые—но болятъ такъ, утихаетъ одинъ, поднимается другой.

Бѣсился, требовалъ рвать и ихъ: «Чортъ съ ними, умирать и безъ зубовъ можно»,—ни одинъ врачъ здоровыхъ зубовъ рвать не соглашался.

Но письмо... вотъ оно:

«Мнѣ очень пріятно сказать вамъ, что послѣдній вашъ разсказъ на много лучше,—проще, яснѣе,—чѣмъ первые, хотя и въ немъ есть преувеличенія, ходульность, фальшь. Люди—пестры, нѣтъ—только черныхъ сплошь и нѣтъ сплошь бѣлыхъ. Хорошее и дурное спутано въ нихъ—это надо знать и помнить. А если вы непремѣнно хотите написать идеально хорошаго человѣка,—его надо такъ хорошо выдумать, чтобы въ немъ читатель чувствовалъ и плоть, и кровь, и вѣрилъ бы вамъ—есть такой человѣкъ! Но чтобы хорошо выдумывать — нужно много знать, видѣть, чувствовать, нужно умѣть изъ маленькихъ кусочковъ реальнаго, создать большое

Г-21695

идеальное, такъ, чтобы никто не замѣтилъ, что и гдѣ вами спаяно, склепано и склеено.

И нужно вѣрить въ людей, въ то, что они ростутъ, становятся все лучше.

Храните мои письма, современемъ, когда вы выростите,—во что я вѣрю,—вы, можетъ быть, хорошо посмѣетесь надъ ними.

А теперь вотъ что, прилагаемое письмо вы отнесете по адресу, постарайтесь увидѣть доктора лично, добейтесь отъ него опредѣленнаго отвѣта,—попросите его отвѣтить мнѣ на письмо, это будетъ лучше—и пріѣзжайте ко мнѣ.

Вамъ необходимо вылечиться и это нужно устроить.

Пока до свиданія.

А. Пѣшковъ».

Это письмо... пока я прочиталъ его—зубной боли у меня, какъ не бывало.

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).